

От автора романа «ТАЙНА МОЕГО МУЖА»

Роман... блестящий, смешной, мудрый и теплый.
«Три желания» – настоящий
праздничный торт
в мире книг!

Good Housekeeping

 Лиана Мориарти

Лиана Мориарти

Три желания

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17201226

Три желания : роман / Лиана Мориарти: Иностранка, Аз бука-Амтикус; Москва; 2016

ISBN 978-5-389-11185-1

Аннотация

Лин, Кэт и Джемма – красивые тридцатитрехлетние сестры-близнецы, на которых все обращают внимание, не только мужчины. Смех, драма и хаос, кажется, повсюду следуют за ними. Однако жизнь у них абсолютно разная. У Лин все идет четко по расписанию. Кэт мучают секреты, которые она узнала о своем замужестве. А Джемма, уставшая от мимолетных связей, мечтает о вечной любви.

Веселая история слегка сумасшедшей, но на удивление обычной семьи.

Впервые на русском языке!

Содержание

Благодарности	5
Пролог	6
Драка в день рождения	7
Глава 1	11
Трюк с капустным листом	22
Глава 2	23
Глава 3	32
Перманент и таблетки	41
Глава 4	42
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лиана Мориарти

Три желания

Liane Moriarty

THREE WISHES

Copyright © Liane Moriarty, 2004

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency LLC

© Т. Камышникова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Издательство Иностранка®

* * *

*Посвящается моим четырем младшим сестрам –
Джейси, Кейти, Фионе, Шоне и брату Николе*

Благодарности

Я очень благодарна Ванессе Проктор за множество часов, проведенных за чтением и правкой черновиков, Джейси Мориарти – сестре и вдохновительнице – за толковые предложения, советы и поощрение, моему зятю Колину Макадаму и подругам Петронелле Макговерн и Марисе Медине за бесценные комментарии; моей матери Дайан Мориарти за ценную информацию по различным вопросам – от цветов до маленьких детей. Книга писалась в рамках работы над дипломом в Университете Маккуори; благодарю преподавателей, особенно профессора Марселя Фреймана, и однокурсников за поддержку. Спасибо моему агенту Фионе Инглис за горячую поддержку книги и Джулии Стайлс за тщательную корректуру. И наконец, благодарю моего редактора и издателя Кейт Патерсон за толковые редакторские замечания.

Книга Лоренс Райт «Близнецы: гены, окружение и загадка идентичности» (1997) очень помогла мне понять особенности отношений между тройняшками.

Пролог

Иногда случается так, что волей-неволей приходится играть главную роль в комедии, трагедии или мелодраме собственной постановки перед огромной аудиторией.

Бежишь за утренним автобусом, болтая сумкой во все стороны, и вдруг оступаешься и растягиваешься во весь рост прямо на тротуаре, точно маленький ребенок на игровой площадке. Или стоишь в набитом битком лифте, и тут любимый человек задает вопрос, способный довести до белого каления («Повтори, пожалуйста, что ты сказала?»), или собственный ребенок интересуется чем-нибудь крайне нескромным, или по мобильному названивает мать со своими ценными указаниями. Или, бывает, пробираешься мимо чужих коленок к своему месту в кинотеатре и просыпаешь попкорн на ноги совершенно незнакомому человеку. Или вот так вот поспоришь с кем-нибудь хоть мало-мальски власть имущим – кассиром в банке, приемщицей в химчистке или трехлеткой – и весь день наперекосяк.

На молчаливые ухмылки зрителей в кинотеатре можно наплевать; им можно ослепительно улыбнуться или просто пожать плечами. Если вы не против подурачиться, то можно даже отвесить им небольшой поклон. Собственно, не так уж важно, что именно вы делаете, – все равно вы не властны над тем, какую роль сыграете в маленьких анекдотах, которые они принимают сочинять тут же, на месте; и если вам не повезет, то их авторы отнимут у вас последнее достоинство.

Именно это и случилось с тремя женщинами холодным июньским вечером в Сиднее. Точнее сказать, такое случалось с ними постоянно, но в тот раз шоу получилось особенно зрелищным.

Дело было в оживленном ресторане, который «Кулинарный гид по Сиднею» называл «местом, полным сюрпризов», среди публики, не обремененной хорошими манерами.

Несколько часов это небольшое происшествие пересказывалось и разыгрывалось в лицах, к вящему удовольствию нянек, соседей по квартире и сидящих дома женушек. Наутро уже не менее десятка его версий циркулировало в офисах и кофейнях, пабах и детских садах. Среди них были смешные и не очень; одни подверглись цензуре, в другие расказчики не постеснялись добавить перца.

И само собой, среди них не было двух одинаковых.

Драка в день рождения

Вчерашний вечер? Выдался насыщенным.

Нет, дружок, нет, не в этом смысле... Свидание вслепую обернулось полной катастрофой. Нет, после Сары не слишком быстро. Я же тебе говорил, что готов в любую минуту к ней вернуться. Ее голос – вот что стало настоящей проблемой. Она разговаривала так тихо, будто по телефону, с другого конца света и при плохой связи.

Нет, не преувеличиваю. За весь вечер я не смог расслышать ни единого слова! Нельзя же вечно просить человека повторять одно и то же, если только не хочешь вынести мозг и ему, и себе. Все свидание я только и делал, что тянулся через столик, навострив уши и пытаясь по губам угадать, что она там шепчет себе под нос. Был момент, когда я одобрительно хмыкнул над тем, что мне показалось главным в ее рассказе, а она вдруг застыла, как громом пораженная.

Наверняка человек-то она, в общем, неплохой. Только слушатель ей нужен получше. С ушами помощнее.

Но ладно, не в свидании дело. Как я уже говорил, вечер выдался... насыщенный.

В ресторане яблоку было негде упасть, и за соседним столиком оказались три женщины. Сначала я их даже не заметил и оглянулся только тогда, когда ручка сумки одной из них зацепилась за ножку стула.

Очень симпатичная! Хотя я и предпочитаю... Но я забегаю вперед.

Короче, эти три барышни вроде бы неплохо проводили время, смеялись вовсю, с каждым разом все громче и громче. На каждый их раскат смеха я грустно улыбался своей собеседнице.

Часов в одиннадцать мы приободрились, потому что дело близилось к концу. Спросили десертное меню, и моя пассия знаками дала понять, что можно было бы заказать один черничный чизкейк на двоих. Я признался, что не люблю сладкое, и она чуть не запрыгала от радости!

Но заказать мы ничего не успели, потому что как раз в этот момент в ресторане потушили свет и в зал вплыли три официантки, каждая с огромным...

ИМЕНИННЫМ ТОРТОМ! Нет, ты представляешь?

И я говорю Томасу: ну ничего себе! ТРИ торта! По одному для каждой! Ну, потом, конечно, они спели «С днем рождения тебя!» – три раза! Томас подумал, что это смешно. Каждое следующее «с днем рождения» звучало громче предыдущего, так что в конце вопил уже весь ресторан.

За исключением Томаса, само собой. Шум, который производили девицы, испортил ему весь вечер. Он даже официантке пожаловался! Мне они показались приятными молодыми девушками в приподнятом настроении. Вначале, по крайней мере. Уходя в дамскую комнату, одна из них, беременная, мне даже улыбнулась.

Каждая взяла себе по огромному куску торта! Уж точно – никто там ни на какой диете не сидел. А потом они еще друг у друга отламывали по кусочку. И я подумала: «Как мило!»

Ну, я время от времени на них поглядывала. Не знаю почему, но они меня заинтриговали. Я заметила, что после торта каждая по очереди прочла что-то вслух. Мне показалось – письма. Понятия не имею, что там было в этих письмах, только через несколько секунд поднялся такой визг!

Боже правый! Вот это была ссора, я тебе скажу! Настоящий скандал! Все смотрели только на них. Томас был просто в ужасе.

Одна девица отшвырнула стул и выпрямилась во весь рост – ни в чьих глазах я не видела столько ярости! Казалось, вся кровь прилила к ее щекам, когда она трясла вилкой и вопила – именно вопила.

Даже не знаю, как описать, что произошло потом.

Ну ладно. Подвинься поближе, я тебе на ушко скажу.

Она вопила: «Вы обе...»

«...ИСПОРТИЛИ МНЕ ЖИЗНЬ!»

Я еще подумала: «Что за хрень?»

Я как раз говорила Сэму, что рассчитываю на солидные чаевые от шестого столика, потому что там зажигали вовсю и были уже тепленькие.

Даже беременная позволила себе бокал шампанского, а это довольно опасно, ведь правда? Вдруг ребенок будет отставать в развитии?

До сих пор не могу поверить, что она поступила так со своей сестрой. В смысле, я тоже свою недолюбливаю, но это как-то слишком! Свою родную тройняшку!

Я не говорила, что они были тройняшками?

Они собрались отметить свой тридцать четвертый день рождения. Раньше я никогда настоящих тройняшек не видела, они были со мной очень любезны, я осмелела и стала задавать им вопросы, каково это – быть тройняшками. Две блондинки были прямо как две капли воды похожи друг на дружку! Я уставилась на них во все глаза. Было похоже на игру «Найди десять отличий». Так странно!

Одна из них сказала, что быть тройняшками – это просто фантастика. Ей, мол, это очень нравится! Другая заметила, что, наоборот, это сплошной ужас. У нее такое чувство, будто она мутант или что-то в этом роде. А третья ответила, что не видит в этом ничего особенного.

И потом все они заспорили, что это такое – быть тройняшками. Но спорили по-дружески, беззлобно.

Вот почему я и не поверила, когда услышала, что они начали драться. Драться, что называется, не по-детски, а так, будто не выносили друг друга. Мне даже неловко как-то стало за них...

Сэм велел нести им кофе, чтобы как-то разрядить обстановку. Поэтому, подходя к их столику, я постаралась выдавить из себя улыбку, но именно тогда-то все и произошло.

Я так опешила, что у меня аж руки затряслись, а вместе с ними – и поднос с чашками.

Помнишь тех двух ископаемых, которые заходят каждый второй четверг? Ту толстуху, что всегда просит крем-брюле? У нее еще тощий муж с чем-то таким на заднице. Так вот, я пролила капучино прямо на его сияющую лысину!

Ох, погоди, сейчас, передохну и дорасскажу.

Так вот, одна из сестер, встав из-за стола, начинает орать на двух других, так? И все время, пока орет, тычет в воздух вилкой для фондю.

На закуску они заказывали особое фондю. Вот сейчас я вспоминаю об этом и понимаю, что, собственно, по моей вине вилка так и осталась на столе... Ох... Надеюсь, они не подадут на меня в суд. Ха!

Так вот, эта девушка... Она машет вилкой и кричит, как заправский маньяк. А потом швыряет в сестру этой самой вилкой. Ты можешь в это поверить?

И вилка вонзается прямо в живот той, беременной!

И вот она сидит, смотрит на свой живот, из которого торчит вилка. Зрелище не для слабонервных.

Девушка, которая ее швырнула, так и стоит, протянув руку, точно статуя. Будто она хотела остановить падавший стакан или что-то в этом роде, но поняла, что уже слишком поздно.

А потом – прикинь! – она падает в обморок.

Нет, не беременная, а та, что швырнула вилку!

Она прямо валится как подкошенная и, падая, ударяется подбородком – такой противный звук был! – о край стула.

Ну вот, она, значит, лежит на полу в полной отключке. Беременная сидит, у нее из живота торчит вилка, и она молчит, словно воды в рот набрала. Сидит, смотрит в пространство, как будто глубоко задумалась, а потом трогает живот пальцем, поднимает его, а он весь в крови! Такая жуть!

И главное, все посетители разом смолкли – сидят и только пялятся на тройняшек этих.

Третья вроде как вздыхает, трясет головой, точно все это ерунда, наклоняется под столик, берет свою сумочку, достает...

...мобильный и вызывает «скорую».

Потом она позвонила мне, и я встретила их в больнице. Ты можешь в это поверить? А ведь все именно так и было.

Им же уже за тридцать, а ведут себя как дети, честное слово! Кидают друг в друга чем ни попадя в общественных местах! Нехорошо это... И потом, на собственном дне рождения!

По-моему, им – всем троим – нужен хороший психиатр.

Помнишь, в том ресторане, куда мы их водили детьми, менеджер попросил нас уйти, когда Лин швырнула в Катриону стаканом лимонада. Вот это было фиаско! В жизни меня так не унижали. Уже молчу о том, что пришлось оставить бутылку отличного шираза. Кэт тогда наложили четыре шва.

Это ты виноват, Фрэнк.

Нет. Никакая это не ахинея.

Ну хорошо, виноваты вы с Кристиной, если тебе так больше нравится.

Кристина, Фрэнк, – это та женщина, которая разрушила наш брак. Она отличный индикатор того, как мало голова твоя была занята тем, что случилось с нашими девочками.

Я не отклоняюсь от темы, Фрэнк! Наш неудачный брак очень дурно повлиял на наших дочерей. То, что случилось сегодня, – ненормально! Даже для тройняшек!

Я еще разговаривала с бухгалтером, когда мне позвонили. Я прямо лишилась дара речи и еле выговорила: «О, пожалуйста, извините, Найджел. Моя дочь только что сломала челюсть – она упала в обморок, кинув вилкой в беременную сестру!»

Жаль, что ты не видел того, что увидела я, добравшись до больницы. Они хихикали! Как будто все это – просто очередной смешной случай в их жизни. Я была вне себя от злости!

Я вообще их не понимаю.

Фрэнк, только не делай вид, что понимаешь их лучше меня. Ты с ними не разговариваешь. Ты с ними заигрываешь.

От них всех противно несло чесноком. Наверное, на закуску они заказывали фондю с морепродуктами. Станный, очень странный выбор! Его же есть невозможно.

Ну и с выпивкой у них тоже не все было в порядке.

Не вижу в этом ничего смешного, Фрэнк. Ребенок мог пострадать. Он мог даже умереть! Наша дочь могла погубить нашего внука или внучку! Подумать только – мы могли оказаться на первой странице «Дейли телеграф»!

Нет, мне не кажется, что я драматизирую.

Ну да, вот именно, я тоже хотела бы это знать. Я так и спросила, когда приехала:

– С чего же все началось?

Глава 1

А началось все тридцать четыре года назад, когда Фрэнк Кеттл, двадцати одного года, высокий, светловолосый, гиперактивный молодой человек, бывший послушник, воспылал безумной страстью к Максин Леонард, длинноногой рыжеволосой красотке, которой должно было вот-вот стукнуть девятнадцать.

В нем бушевал тестостерон. Она была осмотрительнее, но согласилась. Все случилось на заднем сиденье «холдена», принадлежавшего отцу Фрэнка. Два раза. В первый раз они все время стучались головами, сопели, затаив дыхание, сползали на пол, пока по автомобильному радио пел Джонни О'Киф. Во второй раз получилось медленнее, мягче и, в общем, совсем неплохо. Элвис вкрадчиво призывал любить его нежно. Однако и в том и в другом случае ужасный исход был один и тот же. Один из живчиков Фрэнка столкнулся лоб в лоб с одной из гораздо более медлительных яйцеклеток Максин и прервал ее тоскливый путь в небытие.

Потом, когда Максин сломя голову бегала на свидания к более подходящим мальчикам, а Фрэнк ухлестывал за фигуристой брюнеткой, две только что оплодотворенные яйцеклетки упрямо пробирались по фаллопиевым трубам Максин к ее взволнованной, совсем молодой матке.

В тот самый момент, когда Максин позволила очень подходящему ей Чарли Эдвардсу отбросить назад ее длинные рыжие волосы, пока она задувала девятнадцать свечей на именинном торте, одна яйцеклетка в ней настолько осмелела, что взяла и разделилась на две. Еще одной яйцеклетке теперь очень здорово было в компании двух совершенно одинаковых яйцеклеток.

Гости на дне рождения Максин думали, что она никогда еще не была такой красавицей – стройная, сияющая! Кто бы мог подумать, что она уже была беременна тройняшками от какого-то там бывшего святоши?

Ясное дело, Фрэнк и Максин поженились. На свадебных фотографиях у обоих был отсутствующий вид людей, недавно переживших серьезную травму.

Через семь месяцев три их дочери, крича и брыкаясь, появились на свет. Максин до этого никогда даже не брала ребенка на руки, а тут у нее оказалось целых три; это был самый тяжелый момент ее молодой жизни.

Вот как все начиналось, по версии Джеммы. Кэт возразила бы, что если уж считать с зачатия, то почему бы не приплести сюда всех их родственников до седьмого колена? Почему бы вообще не начать с обезьян? Или, допустим, с Большого взрыва? «Я бы с этого и начала, – заметила Джемма, – с Большого взрыва мамы и папы». – «Прико-о-ольно», – протянула бы Кэт. «Давайте рассуждать логически, – перебила бы Лин. – Все началось с ужина со спагетти».

И Лин, совершенно естественно, была бы права.

Был вечер среды. До Рождества оставалось полтора месяца. Обычный вечер в середине недели, о котором в пятницу они бы уже вряд ли помнили: «Что там мы в среду делали?» – «Не помню... Телевизор смотрели?»

Именно это они и делали. Жевали спагетти, пили красное вино, смотрели телевизор. Кэт, скрестив ноги, сидела на полу, прислонившись спиной к дивану и поставив тарелку на колени. Ее муж Дэн примостился на самом краешке и поедая свой ужин, склонившись над журнальным столиком. Они всегда так ужинали.

Спагетти готовил Дэн, поэтому они получились слегка переваренными. Кэт была более умелым кулинаром. Дэн готовил без затей, функционально. Он кидал все продукты сразу,

как будто в бетономешалку, одной рукой крепко держал чашку, другой крутил ее содержимое так яростно, что под кожей ходили бицепсы. Ну и что тут такого? Сделано же дело!

В тот вечер, в среду, Кэт ничего необычного не чувствовала; не было ей ни особенно весело, ни особенно грустно. Было даже странно вспоминать потом, как она сидела, запикивала в рот пасту, приготовленную Дэном, очень глупо доверившись течению своей жизни. Теперь, задним числом, ей хотелось прикрикнуть на саму себя: «Сконцентрируйся!»

Они смотрели мыльную оперу под названием «Школа медиков», речь в которой шла об очень красивых и очень молодых студентах медицинского факультета с ослепительно-белыми зубами и запутанной личной жизнью. Каждый эпизод изобиловал кровью, сексом и болью.

Кэт с Дэном кое-что добавили к этой «Школе медиков». Как только обозначался новый поворот сюжета, они раздражались громкими криками, точно дети, смотрящие пантомиму: «Сволочь!», «Бросай его!», «Это не то лекарство!!!».

На этой неделе Элли – кокетливая блондинка, вечно в коротеньких маечках в облипочку, – пребывала в полнейшем смятении. Она все не могла решить, признаваться ли своему парню Питу – темноволосому угрюмому типу с ненормально накачанным прессом – в том, что спьяну изменила ему с заезжей звездой – возмутителем спокойствия.

– Скажи ему, Элли! – говорила Кэт, обращаясь к телевизору. – Пит простит! Он все поймет!

Пошла реклама: мужчина маниакального вида в желтом пиджаке бродил по магазину, недоверчиво показывая пальцем на специальные рождественские предложения.

– А я сегодня сделала кое-что для красоты и здоровья, – произнесла Кэт, опираясь на ногу Дэна, чтобы через него дотянуться до перечницы. – У женщины был такой приторно-восторженный голос. Мне как будто делали массаж, пока я резервировала нам отель.

На Рождество она дарила сестрам (и себе самой) поездку в дом отдыха в Голубых горах. Всем троим пообещали «ни с чем не сравнимые ощущения» от «исключительного обслуживания». Их должны были обертывать в морские водоросли, опускать в грязевые ванны, с головы до ног обмазывать витаминными кремами – отдых предстоял просто чудесный.

Она была очень довольна собой. «Какая умница!» – скажут все в день Рождества. Лин действительно нужно было расслабиться. Джемме это было не нужно, но она вряд ли откажется от поездки. Кэт тоже ничего, в общем, не беспокоило – разве только то, что она все не беременела, хотя вот уже почти год не принимала противозачаточных. «Не бери в голову», – мудро советовали все вокруг, будто первые до этого додумались. Как будто твои яичники отказывались сотрудничать, когда замечали, что ты волнуешься из-за беременности: «Отлично! Если ты так переживаешь по этому поводу, то мы закрываем вопрос».

Пошла реклама медицинской страховки, и Дэн поморщился, как от боли:

– Терпеть ее не могу.

– Но реклама эффективная. Ты еемотришь внимательнее, чем любую другую.

Он закрыл глаза и отвернулся:

– Ладно, не смотрю, не смотрю. Но этот резкий женский голос все равно слышу.

Кэт взяла пульт и прибавила звук.

– А-а-а! – Он открыл глаза и вырвал пульт у нее из рук.

Это было совершенно нормально. Позже она проигрывала все его действия в своей голове, и от этого, казалось, становилось даже хуже. Каждый миг нормального поведения только отягощал его предательство.

– Цыц! Уже началось.

Обманутый парень Элли, Пит, поигрывал на экране своими накачанными мускулами. Элли виновато посматривала прямо в камеру.

– Скажи ему! – обратилась к ней Кэт. – Я бы хотела знать. Мне было бы лучше знать всю правду. Лучше скажи ему все, Элли.

– Правда лучше? – спросил Дэн.

– Да. А тебе – нет?

– Не знаю...

Кэт тогда не услышала никакого «звоночка». Не уловила даже слабенького сигнала. Она поставила свой стакан с вином на журнальный столик и почувствовала, как на подбородке вскочил зловредный прыщик – предвестник месячных. Он появлялся каждый месяц, как будто на ней ставили официальный штамп: «Подтверждаю, что у данной женщины в данный месяц ребенка не ожидается. Попробуйте в следующем месяце!» Каждый раз, завидев первые капли крови, Кэт принималась сокрушенно вздыхать, закидывая голову, точно колдунья. Какая насмешка, какая страшная издевка после стольких лет периодической радости оттого, что она не беременна, после многомесячных рассуждений вроде: «А мы готовы к такой крутой перемене? Готовы, ведь правда же? Или нам нужен еще один месяц свободы?»

«Не думай об этом, – твердила она себе. – Просто не думай».

– Кэт...

– Чего?

– Я должен тебе что-то сказать.

Она одобрительно улыбнулась в ответ на его задумчивый тон, радуясь, что он отвлек ее от прыщика.

– И что же? – любопытствовала она и приглушила звук. – Что, как Элли? Изменил мне?

– Ну... в общем, да.

Он выглядел так, будто его вот-вот стошнит – актер из него был никудышный.

Кэт положила вилку.

– Шутишь? Ты что, хочешь сказать, что с кем-то переспал?

– Да, – ответил он, странно дергая губами. Он напоминал маленького мальчика, застигнутого за чем-то постыдным.

Она выключила телевизор и отложила пульт. Сердце колотилось от страха и от незнакомого прежде жгучего желания – знать все.

– Когда? – Ей все еще не верилось, хотелось смеяться. – Сто лет назад? Когда мы только начали встречаться? Не недавно же?

– С месяц назад.

– Что?!

– Там ничего серьезного не было... – проямлил он, уткнувшись в тарелку и ухватив пальцами гриб. Не донеся гриб до рта, он бросил его в тарелку и вытер рот обратной стороной ладони.

– Что ж, начинай с самого начала. Когда?

– Однажды вечером.

– Когда вечером? А я где была? – спросила она, перебирая в памяти события последних недель. – Когда – вечером?

Выяснилось, что однажды, во вторник вечером, после сквоша, он познакомился с какой-то девицей. Она сама подошла к нему, и, что скрывать, ему это польстило, потому что она была... э-э-э... очень хорошенькая. Он был немного поддатый, без особых уговоров согласился поехать к ней, слово за слово... Дело явно не стоило выеденного яйца. Он совершенно не мог понять, как его угораздило сделать такую вопиющую глупость. Может, это все из-за стресса на работе и еще, знаешь, из-за ребенка. Это, конечно же, никогда не повторится, он очень, очень, очень виноват, он ее так любит, и это так здорово – рассказать все наконец, не таиться, не скрываться!

Казалось, что с ним произошло что-то интересное и он просто забыл рассказать ей об этом. Она спрашивала, он отвечал: «Где она живет?», «Как ты добрался домой?».

Он закончил свой рассказ, и Кэт глупо уставилась на него, ожидая, что ей будет очень больно. Как будто ты пришла сдавать кровь, и врач, улыбаясь, ищет вену на твоей руке.

– Как ее зовут? – спросила она.

– Анджела, – ответил он, отведя глаза.

Ну наконец-то... Сердце у нее сжалось, потому что у девицы было имя и Дэн знал его.

Она смотрела, как на тарелке стынет ужин, и до отвращения ясно видела изгиб буквально каждой макаронины, похожей на змею. Будто настроили линзу телескопа, и ее размытый, расплывчатый прежде мир стал отчетливым и резким.

Она новыми глазами посмотрела на их гостиную. Небрежно брошенные на диван подушки, ковер дикой расцветки на отполированных досках пола. Книжная полка, уставленная фотографиями, тщательно отобранными, вставленными в рамки, доказательствами их счастливой, насыщенной жизни. Вот, смотрите, как мы любим друг друга и весь мир, как мы стройны, как веселы! Вот как мы улыбаемся и обнимаемся в своем лыжном снаряжении! Как мы хохочем, собираясь нырнуть с аквалангом! Как веселимся со своими друзьями! Какие строим рожи на камеру!

Она снова взглянула на Дэна. Он неплохо выглядел, ее супруг. Ее всегда это волновало – приятно щекотало, вернее сказать.

Она думала: он изменил мне, попробовал, как это делается. Это было страшно. Нервно. Ей захотелось снова включить телевизор и сделать вид, словно ничего не произошло. Вспомнилось: надо отутюжить юбку на завтра. Надо составить список подарков на Рождество.

– Ничего серьезного, – повторил он. – Так, глупое ночное приключение.

– Не говори так!

– Ладно.

– Как это пошло!

Он умоляюще взглянул на нее. Под носом у него застыла капля томатного соуса.

– Ты соусом испачкался, – мстительно произнесла она. Его вина вдохновляла ее, убеждала в том, что она совершенно, безусловно права. Он был преступником, она – полицейским. Плохим полицейским. Из тех, которые хватают преступника за рубашку и изо всей силы шарахают его о стену. – Зачем ты мне теперь это рассказываешь? Только чтобы чувствовать себя лучше?

– Не знаю. Я долго колебался. А когда ты сказала, что хотела бы знать правду...

– Я говорила об Элли! Я смотрела телевизор! Я ужинала!

– Так ты не про себя...

– Нет, конечно! Хотя теперь уже все равно поздно.

Несколько секунд они сидели молча, и вдруг ей захотелось разрыдаться, как пятилетней девочке в песочнице, ведь она считала Дэна другом, самым близким другом.

– Зачем? – надтреснутым голосом произнесла она. – Зачем ты это сделал? Не понимаю, с чего вдруг...

– Сам не знаю. Правда, не знаю.

Друзья, что ли, научили его так отвечать? «Говори ей, что сам не знаешь и что ничего такого не было. Они все только это и хотят слышать».

Если бы она снималась в «Школе медиков», по ее щеке медленно и трогательно скатилась бы единственная скупая слеза. Она же сейчас издавала странное пыхтение, будто бежала.

– Не бери в голову, пожалуйста. Кэт, детка...

– Ничего себе – не бери в голову!

Дэн нежно взял ее руку в свою. Она сердито оттолкнула ее:

– Не трогай меня, ты!

Они в ужасе посмотрели друг на друга. Дэн был белым как полотно. Кэт трясло от страшного открытия: он же трогал эту женщину, которую она никогда даже не видела. И трогал ее не просто по-дружески. Он, конечно же, ее целовал. И делал все остальное, что обычно понимают под словом «секс».

– Ты снимал с нее лифчик?

– Кэт!

– В смысле, ясно же, что лифчика на ней не было. Я только хочу знать: она сама его сняла или ты постарался? Ты протянул руку ей за спину, пока вы целовались, и расстегнул его? Трудно было? Сложная была застежка? С ними не сразу разберешься, правда? Ты уже давненько над такими не пыхтел. И как у тебя получилось? Вздохнул с облегчением, когда наконец закончил?

– Пожалуйста, перестань!

– И не подумаю!

– Ладно, снял я с нее лифчик, снял! Но это была ерунда. Я выпил. Ничего похожего на то, что было у нас. Не...

– Ерунда, да. Понятно... И какую же ерундовую позу ты выбрал?

– Кэт, ну пожалуйста...

– У нее был оргазм?

– Хватит...

– Ах, дорогой, не волнуйся ты так. Я уверена, что был. У тебя же такие надежные технологии. Я уверена, она оценила их по достоинству.

– Кэт, я тебя умоляю – замолчи, – с дрожью в голосе произнес он.

Она отерла пот с пылавшего лба.

Она чувствовала себя уродиной. Да и была уродиной. Она нащупала прыщик на подбородке. Подкраситься! Ей нужно немедленно подкраситься! Ей нужен хороший макияж, полный гардероб одежды, парикмахер-стилист и кондиционированный воздух. Вот тогда ее и окатят чистые, прекрасные волны горя, как звезд любимой «Школы медиков».

Она поднялась и взяла со столика обе тарелки.

В горле начало нестерпимо зудеть. Аллергия... Только ее сейчас и не хватало! Она поставила тарелки обратно на столик и чихнула четыре раза. Перед каждым чихом она закрывала глаза, и услужливое воображение тут же рисовало ей, как спадает бретелька лифчика.

Дэн сходил в кухню и вернулся с упаковкой салфеток.

– Не смотри на меня, – сказала она.

– Почему? – спросил он, протягивая салфетку.

– Не смотри, и все.

И в этот самый момент она схватила одну из тарелок и швырнула ее в стену.

От кого: Джемма

Кому: Лин; Кэт

Тема: Кэт

ЛИН! ВНИМАНИЕ, ВНИМАНИЕ! ОПАСНОСТЬ, ОПАСНОСТЬ! Я только что говорила с Кэт, и она в ОЧЕНЬ, ОЧЕНЬ плохом настроении. Не советовала бы звонить ей или упоминать о Мэдди в разговоре, по крайней мере в течение ближайших суток.

С любовью, Джемма.

От кого: Кэт

Кому: Джемме

Тема: Я

Внимание, внимание! Если ты хочешь рассылать письма о моем плохом настроении, убедись, по крайней мере, что их не получаю я. Вот от этого настроение у меня точно испортится.

От кого: Лин

Кому: Джемме

Тема: Кэт

Дж, следи, что выбрала «ответить» вместо «ответить всем», когда отвечаешь на письма. Установи адресную книгу! Не сомневаюсь, Кэт под больш. впечатлением. Кара говорила о Мэдди, так что проблем нет. Л.

От кого: Джемма

Кому: Лин; Кэт

Тема: Кара

Дорогая Лин!

Я не знаю, как устанавливается адресная книга, но все равно спасибо тебе за совет. Не хочу тебя пугать, но слышала ли ты о СИНДРОМЕ ТРЯСКИ МЛАДЕНЦА? Думаю, очень опасно оставлять Мэдди с Карой. Однажды я видела, как ЯРОСТНО она трясла коробку кукурузных хлопьев. Она подросток, а у подростков всегда проблемы с гормонами, вот почему они и ведут себя слегка неадекватно. Не спросишь ли Кэт, прошло ли ее дурное настроение? Я могла бы отменить встречу с привлекательным слесарем. Готова пойти на это ради спасения жизни Мэдди. Сообщи мне.

С любовью, Джемма.

Кэт раздумывала, не случилось ли что-то с ее лицом. Ощущение было такое, будто все оно в синяках и отеках. Казалось, что под обоими глазами стояло по фонарю. И вообще, во всем теле ощущалась какая-то ломота. Весь день ей было не по себе, как будто она обгорела на солнце.

Удивительно, как это было больно и какой сильной была эта боль. Весь день на работе она думала, не принять ли обезболивающее, и каждый раз вспоминала, что боль эта не физическая.

Накануне ночью она ни на минуту не сомкнула глаз.

– Я лягу на диване, – заявил Дэн, героически побледнев.

– Нет, не ляжешь, – возразила Кэт, не желая предоставить ему это удовольствие.

Но когда они оказались в постели, она смотрела в потолок, слушала, как все спокойнее дышит Дэн – он действительно засыпал, – как вдруг хлопнула по выключателю и сказала: «Вон отсюда!»

И он ушел, сонно прижимая подушку к животу. Кэт осталась в постели и принялась представлять себе, как муж занимался сексом с другой женщиной. Она как будто была там, под одним одеялом с ними, как будто видела его руки, ее руки, его рот, ее рот...

Она не могла и не хотела останавливаться. Было очень нужно вообразить все как можно живее, секунду за секундой.

Среди ночи она разбудила Дэна вопросом, какого цвета белье было на той женщине.

– Не помню, – сонно пробурчал он.

– Помнишь! Помнишь! – зудела она, пока он наконец не сказал, что вроде бы черное; на этих словах она разрыдалась.

Теперь Кэт смотрела на своих коллег, пришедших в половине пятого на оперативное совещание, и размышляла, случалось ли с ними это хоть раз – такая подлость, такое вероломство.

Директор по продажам Роб Спенсер занял свое излюбленное место у белой доски и с воодушевлением принялся изображать разноцветные стрелочки и прямоугольнички, приговаривая: «Люди! Так, по-моему, всем понятно, о чем я!»

Роб Спенсер... Вот уже лет пять у Роба были шуры-муры с красавицей Джоанной из бухгалтерского отдела. В компании это был, что называется, секрет мадридского двора. Когда в «Холлингдейл чоколейтс» принимали на работу новичка, то непременно вводили в курс дела насчет Роба и Джоанны. Ни о чем не подозревали, скорее всего, только жена одного и муж другой. Все со смесью жалости и злорадства глазели на невезучие вторые половины, когда они появлялись на ежегодном корпоративном рождественском вечере.

Кэт пришло в голову, что теперь она стала чем-то похожа на жалкую в своем незнании жену Роба Спенсера. Она была просто некая абстрактная жена в короткой, но захватывающей интрижке Анджелы с женатым мужчиной. «А вот мне, например, жалко жену», «Анджела за жену не отвечает», «Да кому нужна эта жена, давай подробности, Андж!».

Кэт проглотила ком в горле и стала изучать схемы Роба – только так можно было быстро его уязвить.

Цветные графики. Небольшие, но доходчивые сводные таблицы. Само собой, его прищешники постарались.

Ага!

– Роб, – обратилась она.

Десять голов повернулись в одном порыве, и десять пар глаз тут же уставились на нее.

– Катриона! – Роб прямо отпрыгнул от доски, и его белые зубы ярко блеснули на фоне приобретенного в солярии загара. – Всегда ценю вашу поддержку!

– Я только хотела спросить, откуда взялись эти цифры, – продолжила она.

– Полагаю, наша чудесная Марджи делала для меня все вычисления. – С этими словами Роб удовлетворенно прищелкнул пальцами, как будто чудесная Марджи одновременно ухитрилась заняться с ним оральным сексом.

– Да, но какие цифры вы давали Марджи для вычислений? – продолжила гнуть свою линию Кэт.

– Так, сейчас посмотрим... – ответил Роб и погрузился в бумаги.

Она выждала момент и нанесла решающий удар:

– По бюджету на маркетинг похоже, что цифры вы брали из показателей прошлого финансового года. Поэтому ваш анализ, хоть и тщательный, но... как бы помягче выразиться... не соответствует действительности.

Стервозно получилось. Эго у любого мужчины так же чувствительно, как яйца. Она за это еще поплатится.

– Не давай себя в обиду, Роб! – Джо из производственного отдела грохнул кулаком по столу.

Роб по-мальчишечьи поднял руки, как будто сдавался:

– Друзья мои! Похоже, Кэт снова своим глазом-алмазом заметила мои промахи! – Он взглянул на часы. – Уже почти пять, а сегодня, между прочим, пятница! Что-то мы все засиделись! Кто со мной обмывать мой позор в «Альбертсе»? Катриона! Могу я пригласить свою богиню мщения выпить со мной?

Его глаза были тусклыми, как мраморная крошка.

Кэт натянуто улыбнулась:

– С удовольствием составлю вам компанию, но... в другой раз.

Она собрала все свои папки и вышла из кабинета, ощущая мучительную, неуместную на работе ненависть к Робу Спенсеру.

От кого: Джемма

Кому: Кэт

Тема: Выпить

Как насчет выпить?

Можем поговорить о плохом настроении, в котором ты не пребываешь.

С любовью, Джемма.

Р. С. Здорово, что ты поддержала меня в вопросе о Каре!

Р. Р. С. Случайно не одолжишь мне денег? Я без гроша!

Кэт сидела в самом темном углу бара. Перед ней стояли три кружки пива. Она ждала сестер.

Она ничего не собиралась рассказывать. Нужно было время, чтобы им с Дэном самим все решить. Посвящать их в малейшие подробности собственного брака было совсем необязательно. Это было тяжело, ставило всех трех в зависимость. «Ты прямо все сестрам докладываешь!» – всегда говорил Дэн, притом что сам он не знал и половины всего этого.

Как только она начнет свой рассказ, они примутся перебивать ее криками возмущения. Джемма кинется за стратегическим запасом мороженого и шампанского. Лин схватится за мобильник и начнет обзванивать друзей в поисках хорошего консультанта по семейным проблемам. Обе засыпят ее советами. Обе будут горячо спорить, что ей делать, а чего не делать. Они примут все слишком близко к сердцу, и от этого то, что случилось, станет реальным.

Она отхлебнула пива и недружелюбно оскалилась на мужчину, который с надеждой показывал на две занятые ею табуретки.

– Только проверить хотел! – сказал он, подняв руки.

Нет, определенно: сестрам – молчок. Вспомнить хотя бы тот случай, когда она рассказала им, что перестала принимать противозачаточные. Ее месячный цикл стал общественным достоянием; точно в срок ей приходилось отвечать на радостные расспросы, началось у нее или нет.

Они перестали звонить только тогда, когда она сказала Джемме – да, началось, да, скорее всего, она бесплодна, и теперь они могут быть довольны. Джемма, конечно, расплакалась. После этого Кэт долго мучило похожее на менструальную боль чувство вины.

– Эти места...

– Да, эти места заняты.

– Что это с ней?

– Наплюй. Она просто сучка.

Две девушки в деловых костюмах в стиле куклы Барби недовольно сползли с табуретов, а Кэт внимательно разглядывала костяшки своих пальцев и воображала, как вскакивает и дает обеим прямо в красиво подкрашенные губы.

Ей все хотелось представить, как выглядит та, другая.

Анджела...

Наверное, пышка небольшого роста, вот как те две девицы, которые приостановились похихикать и пококетничать с группой без сомнения женатых мужчин.

Кэт не выносила маленьких фигуристых женщин. Женственных куколок, которые вечно смотрели на Кэт как на какого-нибудь доисторического гиганта. Сестры ее бы поняли... Как, впрочем, и все высокие женщины, скорее всего.

Но ей не хотелось, чтобы ее унижали пониманием. Почему-то ей казалось, что она будет сердиться на их очень сочувствующие лица. Это их вина.

Она порылась в памяти в поисках рационального обвинительного довода.

Конечно, сестры виноваты в том, что они с Дэном вообще познакомились.

Это случилось десять лет назад, на кубке Мельбурна. Им тогда был двадцать один год, и они были восхитительно пьяны от дешевого игристого вина. В каждом заезде – ставка на огромные суммы. Они смеялись не переставая, точно их прорвало, как выражалась бабушка, или точно полные идиотки, как говорила их мать.

Они задевали каждого молодого человека, которому случалось проходить мимо их столика.

Джемма: «Мы тройняшки! Представляешь? Можешь в это поверить? Они совсем одинаковые, а я – нет! Я – однойцевая! А они – всего-то половинки одного яйца. Полуяйца! Может, купите нам выпивки? Мы очень любим шампанское!».

Лин: «Знаете, на кого ставить? Я лично в пятом заезде выбираю Одинокое Ездока. Если вы планируете купить нам шампанского, то учтите: мы пьем то, что стоит девять долларов девяносто девять центов бутылка. Стаканы у нас уже есть».

Кэт: «У тебя прямо огромная голова. Она заслоняет весь телевизор, а я вот-вот выиграю кучу денег. Может, уйдешь? Или нет... Лучше сгоняй-ка нам за шампанским!»

Большеголовый молодой человек сидел в соседней с Кэт ложе. Он был очень высокий, и им пришлось потесниться, чтобы ему было удобно.

У него были злые зеленые глаза и щетина.

Он был великолепен.

– Вот оно что, – протянул он, – вы, значит, бывшие соседки по матке.

Джемме это показалось ужасно остроумным; от смеха она даже прослезилась. Кэт откинулась в кресле, потягивая шампанское и ожидая, когда молодой человек по уши влюбится в Джемму. Мужчины повально влюблялись в Джемму, когда она смеялась. Их начинало прямо распирать от гордости, и они становились похожи на тупых баранов. Отныне целью их жизни становилось желание заставить Джемму вновь рассмеяться.

Но этого молодого человека, кажется, больше заинтересовала Кэт. Он положил ладонь ей на колено. Она подняла его руку и положила обратно на стол.

– Ты что, трогал Кэт за коленку? – завопила Лин; у нее, когда она была пьяна, голос мог достигать нескольких децибел. – ДЖЕММА!!! Этот парень трогал Кэт за коленку!

– Понравилась? – спросила Джемма. – Хочешь с ней целоваться? А она хорошо целуется. По крайней мере, так она сама считает. Когда ты ее поцелуешь, сходи, пожалуйста, купи нам еще шампанского, а?

– Не хочу я с ним целоваться! – сказала Кэт. – У него такая голова здоровая! И потом, он похож на водителя грузовика.

На самом деле ей очень хотелось с ним целоваться.

– Если моя ставка выиграет в этом заезде, поцелуешь меня? – спросил молодой человек.

Они взглянули на него с интересом. Все трое были азартными игроками. Этот ген они унаследовали от своего дедушки.

Лин наклонилась вперед и спросила:

– А ЕСЛИ ПРОИГРАЕшь?

– С меня бутылка шампанского, – отозвался молодой человек.

– По рукам! – воскликнула Джемма и опрокинула бокал шампанского Кэт, когда потянулась, чтобы дать ему руку.

– На кого ставим, сводницы? – осведомилась Кэт.

Он выбрал лошадь по кличке Танцовщица.

– БЕЗ ВАРИАНТОВ! – вскричала Лин. – У нее же шансы – пятьдесят к одному. Почему ты не ставишь на фаворита?

Джемма и Лин весь заезд вскакивали на ноги и громко вопили.

Кэт осталась сидеть с молодым человеком. Она не отрывала глаз от телеэкрана. Танцовщица почти все время шла в середине, но в последние секунды набрала скорость и стала уверенно вырываться вперед. В голосе комментатора слышалось нескрываемое удивление. Джемма и Лин взвыли.

У себя на затылке Кэт почувствовала руку. Пока Танцовщица что было сил неслась к финишу, молодой человек все притягивал ее к себе, а глаза Кэт закрывались, как будто она засыпала глубоким, восхитительным сном. Он него пахло сигаретами «Данхилл», мылом «Палмолив», зубной пастой «Колгейт», пивом «Тухейз», и ей никогда еще так сильно не хотелось никого и ничего, как хотелось тогда этого молодого человека.

Потом молодой человек оказался Дэном, еще потом Дэн оказался ее мужем, а еще потом ее муж оказался изменником.

Кэт допила свое пиво и потянулась за следующей кружкой.

Джемме и Лин Дэн очень понравился сразу после того, как Танцовщица пришла второй и они, обернувшись, чтобы потребовать свое шампанское, увидели, что он получает поцелуй, которого вовсе не заслуживал. Он умудрился вытащить кошелек из заднего кармана джинсов и передать его Лин, не отрывая своих губ от Кэт. Так классно! Так сексуально! Так ловко!

Разве можно было признаться теперь в том, что так любимый всеми Дэн на самом деле не заслуживал всеобщей любви?

Да ни за что в жизни!

Она со стуком поставила кружку на стол, взяла третью и увидела, как к ее столику приближаются сестры.

Джемма была одета как обычно, то есть как странно красивая бомжиха. На ней было вылинявшее платье в цветочек и чудной кардиган, весь в дырках, который к тому же не сочетался по цвету с платьем и был ей слишком велик. Ее сияющие рыже-золотые волосы были растрепаны, перепутаны и болтались значительно ниже плеч. Кончики их посеклись. Кэт заметила, как молодой человек у двери обернулся и посмотрел ей вслед. Джемму не замечали многие мужчины, но если уж замечали, то больше уже не упускали из виду. Всем им немедленно хотелось отбросить с ее лица волосы, закатать повыше рукава ее кардигана и предупредить, чтобы она застегнула сумку на «молнию», пока еще цел кошелек.

Лин, казалось, пришла напрямиком с аэробики, которую вела в спортивном центре. Прямые светлые волосы были собраны в пучок на макушке. Розовые щеки пылали здоровьем. Она была одета в джинсы и белую майку, тщательно отглаженную. Простая крепкая девушка спортивного вида. Кэт полагала, что носик у нее слишком уж остренький, но он нисколько не умалял ее привлекательности (или все-таки умалял?). Когда Кэт заметила Лин, она увидела себя словно бы в трех измерениях. Трех очень живых, очень похожих на Лин измерений.

Кэт почувствовала знакомые удовольствие и гордость, которые охватывали ее всякий раз, когда она с сестрами оказывалась на публике. «Смотрите на них! – хотелось сказать ей. – Смотрите на моих сестер! Разве они не великолепны? Разве от них не сойдешь с ума?»

Сестры заметили Кэт и, не поздоровавшись, расположились на двух занятых ею табуретах.

Это был один из их ритуалов – никогда не здороваться и делать вид, что они незнакомы. Люди находили это странным, а они – прикольным.

– Я сейчас хожу обедать в это новое кафе, – сказала Джемма. – Что бы я ни заказала, любой мой заказ – любой! – как будто шокирует женщину за прилавком. Говорю, например: «Фруктовый салат», а она делает такие круглые глаза и повторяет: «Фруктовый салат?» Так смешно!

– Я думала, ты терпеть не можешь фруктовый салат, – заметила Лин.

– Да. Это я так, для примера, – отозвалась Джемма.

– А чего бы тогда не привести в пример то, что ты на самом деле заказывала?

Кэт посмотрела на сестер и почувствовала, что ноги у нее стали ватными. Она испытала огромное облегчение.

Проведя пальцем по краю пустой пивной кружки, она начала:

– Я должна вам кое-что рассказать.

Трюк с капустным листом

Знаете, всякий раз, когда я вижу капустный лист, то вспоминаю о грудном молоке.

Интересно, его все еще делают? Я имею в виду этот трюк с капустным листом. Сейчас расскажу, когда в первый раз его увидела. Лет тридцать тому назад или даже больше, когда я только начала работать помощницей медсестры, вся больница стояла на ушах, потому что молодая девушка родила тройню. Все приходили смотреть на тройняшек. Даже корреспонденты из местной газеты!

Я перестелила койки в отделении для молодых мам, когда в палату вкатили этих самых тройняшек, чтобы положить их в кровати. Всем руководила медсестра Малвейни – такую жесткую женщину вы вряд ли встречали. Я вытаращила глаза, когда медсестры растянули лифчик молодой мамы и вытащили из него мокрые капустные листья! Когда только начинаешь кормить, груди, бывает, болят и опухают, и почему-то именно сырой капустный лист приносит облегчение.

А этой бедной молодой матери было очень больно. Прямо очень! Лицо у нее было изнуренное, бледное как полотно. Ее тройня мирно спала, но тогда все были просто помешаны на строгом расписании. Хоть застрелись, а корми каждые четыре часа. Первая малышка никак не желала просыпаться. Как только ее ни будили – раздевали, тормошили, в конце концов сестра Малвейни принялась брызгать ей в лицо водой. От этого-то она и проснулась. Но как только она заплакала, проснулись и две другие. И как же все трое заголосили!

Двух взяли на руки и показали матери, как правильно прикладывать их к груди. Но у нее все не получалось пристроить их. Сестра Малвейни рычала свои указания, а молодая мать очень старалась их выполнять. К тому времени девочки уже просто вопили. Поднялся такой шум и гам! Все отделение сбегалось посмотреть.

Наконец врачи и сестры сдались и принесли молокоотсос, чтобы у нее пошло молоко. Тогда это были ужасно неуклюжие агрегаты. Понятно, что бедная женщина была вне себя – дети визжат, сестра Малвейни сердито бухтит, все на нее пялятся. Неожиданно для всех молодая мать разразилась слезами. Очень опытная сестра, под началом которой я работала, сказала: «Это всегда так, на третий день все плачут». И я, помню, подумала: «А как же тут не заплакать?»

Глава 2

– Сдохни, сволочь! – с этими словами Лин опустила на корточки в кухне и, как пистолет, направила на таракана распылитель баллончика.

– Следите за своим языком, юная барышня!

Лин подняла голову и увидела свою падчерицу Кару. Та в притворном ужасе втянула щеки, изображая сердитую родительницу.

– Я думала, ты ушла. – Лин почувствовала неловкость оттого, что девочка застала ее за таким гангстерским делом.

Обычно она не бросалась словами вроде «сволочь». Честно говоря, ругалась она только на тараканов или сестер.

– Убегает! – заметила Кара.

Лин взглянула на пол и увидела, как таракан устремился по плиткам к микроскопической трещине под раковиной. Несомненно, теперь он будет жить долго, счастливо и произведет на свет тысячи чудесных коричневых маленьких тараканчиков.

Лин встала и посмотрела на часы. Было ровно девять.

– Не опаздываешь?

Кара преувеличенно тяжело вздохнула, показывая, что еще одного дебильного вопроса она не выдержит.

– Так не опаздываешь? – повторила Лин, не зная, как выйти из положения.

– Лин, Лин, Лин... – печально покачала головой Кара. – И что мне с тобой делать?

Каре было шесть лет, когда Лин увидела ее впервые. Тогда это была образцово-показательная маленькая девочка с заколками-бабочками в курчавых черных волосах и с тонкими ручками, на которых позвякивали блестящие розовые браслетики. Самым ценным ее достоянием был необыкновенного размера пенал, который она называла сумочкой для рукоделия; в нем лежали блески, клей и короткие пластиковые ножницы. Лин получила привилегию пользоваться сумочкой для рукоделия, и они проводили целые воскресенья за изготовлением всяких штучек из картона и цветной бумаги. Когда у Кары все-таки появились другие интересы, Лин упорно держалась за старое, предлагая идеи для все новых проектов. Сдалась она в тот решающий и постыдный день, когда Кара торжественно вручила ей сумочку для рукоделия и произнесла: «Можешь теперь делать с ней что хочешь».

Теперь Каре было пятнадцать лет; она выпрямила волосы и начала густо подводить глаза черным. Бывали дни, когда она часами напролет сидела на балконе, зевая во весь рот, как после многочасового перелета. Бывали дни, когда она вся оживлялась, глаза у нее загорались и она выглядела маниакально счастливой. Самой ценной вещью сейчас у нее был мобильник, гудевший в любое время дня и ночи, когда приходили сообщения от ее друзей.

Кара, открыв дверцу холодильника, застыла перед ним, отведя одну ногу в сторону. Она долго смотрела, покачивала дверцей, а потом неожиданно спросила:

– Ты когда потеряла девственность?

– Не твоего ума дело, – отрезала Лин. – Есть хочешь? Завтракала?

Кара с воодушевлением обернулась:

– Поздно, да? В смысле, когда уже стыдно в этом признаваться? Почему? С тобой что, никто не хотел спать? Не стесняйся. Мне ты можешь рассказать все!

– Яблоки вот хорошие. Съешь яблоко!

Кара взяла яблоко, захлопнула дверцу и плюхнулась на стул.

– А с кем у папы был первый секс? С мамой, как думаешь?

– Не знаю.

Кара хитро, искоса посмотрела на нее, откусывая яблоко:

– Я планирую потерять девственность к концу следующего года.

– Неужели? Молодец.

Лин не особенно волновалась насчет Кары и секса. Девушка была крайне привередливой и легко выходила из себя даже по мелочам. Не далее как вчера вечером Майкл сказал за обедом: «Лин, я хочу тебя немного поэксплуатировать», и Кара просто взорвалась, закрыла лицо рукой и взяла с него торжественную клятву никогда и ни за что не говорить такие ужасные слова, как «поэксплуатировать».

Конечно, ей не может быть интересно что-то такое низменное, как пенис.

Лин открыла посудомоечную машину и начала споласкивать посуду, оставшуюся после завтрака. Из-за шокирующей новости об измене Дэна вчерашняя встреча с Кэт и Джеммой затянулась и продолжалась часа на три дольше, чем предполагалось. А это значило, что сегодняшний список дел удлинился. В половине шестого утра она была уже на ногах.

Дэн оказался ужасным обманщиком... Напомнить Майклу, что нужно позвонить его матери поздравить ее с днем рождения... Зачем Дэн во всем признался Кэт? Чего он этим добился?.. Если бы Мэдди поспала лишний часок, она бы лучше подготовилась к завтрашней встрече в кондитерской... Кэт может быть такой сумасбродной. Не повредит ли это их браку?.. По десять рождественских открыток ежедневно, начать сегодня же...

А за всеми этими мыслями зудело беспокойство, свербела давно похороненная тревога, которую она упорно отказывалась извлечь на свет.

– Я пообещаю себе это на Новый год, – гнула свое Кара, жуя яблоко. – Покончу с девственностью в будущем году. Отцу расскажешь?

– Хочешь, чтобы я об этом рассказала?

– Мне все равно.

– Отлично. Тебе не пора?

– Так что ты думаешь насчет того, что в этом году я потеряю девственность?

– Я думаю, это очень личное дело.

– Значит, думаешь, что можно. Вот подожди, я скажу отцу, что в следующем году потеряю девственность. Он будет рвать и метать.

– Я этого не говорила.

– Из всех своих любовников как бы ты оценила отца? У него, вообще-то, как – хорошо с этим делом? – Лицо Кары исказилось смесью отвращения и восхищения, и она продолжила: – Ну, хоть в первую десятку входит? А у тебя есть первая десятка? Сколько их у тебя было? Десять? Больше?

– Кара!

– Только не отвечай! Я представила, как вы с отцом занимались сексом. Это ужасно! Меня сейчас стошнит. Ой, не могу выкинуть это из головы! Это отвратительно!

В этот момент в кухню неуверенной походкой вошло маленькое создание в розовой пижаме, прикладываясь к пустой бутылочке, словно алкаш ангельского вида, и произнесло:

– Привет...

Лин чуть не выронила тарелку из рук:

– Мэдди!

– Привет! – Мэдди бросила снисходительный взгляд на мать и тут же обернулась к Каре, умоляюще посмотрела на нее и протянула свою бутылочку, как будто приносила дар богине.

Кара любезно приняла бутылочку и спросила:

– Она что, научилась вылезать из кровати?

– Похоже на то, – ответила Лин, ошеломленная мыслью, что теперь ей придется приспособливаться к новому миру, в котором Мэдди уже не будет пребывать в безопасном прямоугольнике кровати.

Одновременно зазвонил телефон и постучали в дверь.

– Присмотри за ней, пожалуйста, – попросила Лин.

– Извини. – Кара поднялась со стула и вернула бутылочку Мэдди. – Я и правда в школу опаздываю. – Она беззаботно взъерошила темные курчавые волосы Мэдди и сказала: – Пока-пока, моя сладкая!

Нижняя губа Мэдди задрожала. Она швырнула на пол свою бутылочку.

Лин взяла с лавки яблоко, не доеденное Карой, кинула его в мусор, взяла Мэдди на руки и пошла к входной двери.

– Кара, Кара... – жалобно повторяла Мэдди.

– Я знаю, что ты хочешь сказать, дорогая, – сказала Лин, прижимая к себе маленькое извивающееся тельце.

От кого: Лин

Кому: Майклу

Тема: Скорее домой

Ну и денек! Обе твои дочери сводят меня с ума.

P.S. С кем ты потерял девственность?

P.P.S. Купи молока и приманку для тараканов.

От кого: Майкл

Кому: Лин

Тема: Хорошо

Дома буду самое позднее в полседьмого.

Рыба с картошкой на пляже – нормальная компенсация за дочек?

Потерял девственность с Джейн Бруэр по дороге домой из кино после «Звездных войн». Сила была на моей стороне! ХА!

P.S. Зачем тебе это?

Несколькими часами позже, далеко за полночь, Майкл нежно поцеловал ее и спросил:

– Ты ведь кончила?

– Конечно, – отозвалась Лин. – Давно уже. – Она пошевелилась и прошептала одними губами: – Ох...

– Извини. – Он со вздохом перекатился на спину и потянулся к тумбочке за стаканом воды. – Лично мне нет никакой нужды снимать случайных женщин в баре.

– Майкл!

– Это чтобы ты знала, что со мной ты в полной безопасности, милая.

– Вот спасибо-то! Ты настоящий свинтус-шовинист.

Он поставил стакан на место и, удовлетворенно заурчав, натянул на себя одеяло и устроился поудобнее, обняв жену.

После секса он всегда становился оживленным.

– Кэт в отчаянии, – сказала Лин.

– Ммм...

– Не очень-то ты ей сочувствуешь!

– Твоя сестра может быть настоящей стервой.

– Я тоже.

– Нет, ты нет.

– Мы совершенно одинаковые. Ты забыл?

– Забыл. Ты моя любимая маленькая Лин...

С этими словами он откинул ее волосы в сторону, чтобы они не щекотали ему лицо, поцеловал в лопатку и через несколько секунд спокойно захрапел.

Секс с мужем. Пункт выполнен.

«А я лично так не считаю», – подумала она.

Нельзя было позволять Майклу называть Кэт стервой. Прежде всего потому, что она ею не была, а главное, сама Кэт ни за что никому не позволила бы сказать хоть одно плохое слово о сестрах. Сама она могла наговорить кучу гадостей, но никому другому это не позволялось, даже Дэнну, даже в их собственной спальне. В несокрушимой верности Кэт Лин могла бы поклясться под присягой.

В школьные годы Кэт была среди них троих настоящим головорезом. Когда им исполнилось семь лет, Джош Десуза пустил о Джемме чудовищную сплетню. А именно: что она показала ему свои трусы. Слух был чистой правдой. Он задразнил ее, твердя, что она не носит трусов. «Ношу!» – вскричала обиженная до глубины души Джемма. «Тогда покажи!» – потребовал он. Когда об этом услышала Кэт, она побагровела от ярости. Заметив Джоша на игровой площадке, Кэт подошла к нему и врезала ему головой со всего размаху. Потом Кэт призналась, что ей самой было страшно больно, но она не плакала – разве что самую малость, и то когда вернулась домой и заметила красное пятно у себя на лбу.

Даже теперь, когда им перевалило за тридцать, Кэт все так же была готова всегда и везде защищать своих сестер, часто без особой нужды. Так, например, когда совсем недавно они с Лин вместе обедали, Кэт спросила:

– Ты, случайно, не заказывала салат? – и тут же принялась вопить на весь ресторан: – Эй! Моей сестре салат не принесли!

– Я и сама в состоянии спросить, – пробубнила тогда Лин.

«Моей сестре»... Кэт и не заметила, с какой гордостью произнесла это. Пусть даже потом она повторяла этой самой «своей сестре», что она полная идиотка, если заказывает салат из бокончини, потому что каждому известно: это все равно что жевать резину.

– Я хочу рассказать вам... – сказала она им тогда в пабе, но они все уже поняли по ее скорбному лицу, которое приметили с противоположного конца зала.

И тут Лин неожиданно провалилась в глубокий сон.

Голос был приторным до зубовного скрежета: «Лин! Это Джорджина! Как поживаешь, милая?» У Лин заняло в животе. Она зажала трубку плечом и произнесла:

– Здравствуй, Джорджина! А у тебя как дела?

Она в это время была в ванной: раздевала Мэдди, которая всего за пять минут умудрилась размазать по себе целую банку пасты «Веджимайт» и теперь возмущалась, что ее труд не оценили по достоинству.

Только один человек мог оставить открытой банку «Веджимайта» на полу гостиной – Кара, дочь Джорджины.

– Честно говоря, Лин, я возмущена.

Мэдди почувствовала, что мать утратила бдительность, вывернулась из ее рук и убежала из ванной, злорадно хихикая.

– Чем именно?

Лин закрыла краны и пошла за Мэдди. Сестры говорили, что за неудачный первый брак своего мужа приходится расплачиваться Лин: можно сказать, она растит его дочь, предоставив той полную свободу во всем. А мать Кары тем временем успела удачно выйти замуж за отличного парня, очень похожего на Брэда Питта, хотя, по слухам, была адски мстительной и заслужила то, что мужа у нее увели прямо из-под носа.

Но Лин по-прежнему считала Джорджину пострадавшей стороной и ни разу не отклонилась от своей роли в этих донельзя цивилизованных, совершенно взрослых разговорах и даже не пробовала прибегнуть к одной из четырех основных техник, применяемых в случае пассивно-агрессивного поведения.

– Кара очень расстроена, – сказала Джорджина. – Я удивлена, что Майкл ей это разрешил, удивлена, правда. При всем уважении к тебе, Лин, ты меня тоже удивила!

– О чем это ты? – спросила Лин, глядя, как Мэдди подняла с пола любимую майку Кары и любовно прижала ее к своему перепачканному «Веджимайтом» животу. Ее действительно ничем нельзя было остановить.

– О чем? О статье в журнале «Она»! – пояснила Джорджина. – Кара говорит, ты даже не спросила разрешения использовать ее имя! Она очень чувствительный ребенок, Лин. Всем нам нужно щадить ее чувства.

– Не видела я никакой статьи, – ответила Лин и в целях борьбы со стрессом глубоко вдохнула через нос.

Она старалась не вспоминать, как искажалось лицо десятилетней Кары всякий раз, когда звонок Джорджины отменял очередной совместный выходной. Хорошо же она тогда щадила ее чувства!

– Конечно, я все понимаю. Тебе очень важно сохранить лицо, – продолжала Джорджина. – Только на будущее будь повнимательнее, хорошо? А кстати, как там твоя бандитка? По-моему, Кара очень помогает тебе, проводя так много времени с малышкой. Хотела бы я, чтобы мне помогали, когда Кара была маленькой... Все, пока, мне пора бежать!

Лин нестерпимо захотелось швырнуть мобильник в стену.

– Стерва, – сказала она.

– Стерва, – эхом откликнулась Мэдди, у которой был безошибочный слух на слова, не слишком подходившие для детского возраста. Она захлопала пухлыми маленькими ручками и несколько раз повторила: – Стерва, стерва, стерва!

Любовь. Дети. Карьера.

Женщины, которым повезло выиграть тройной джекпот!!!

Многие из нас считают, что совместить семью и карьеру невозможно. Однако есть женщины, которым известна эта волшебная формула.

Лин Кеттл, которой всего тридцать три года, основала феноменально успешное предприятие «Автобус для гурманов» и стала его управляющим директором.

«Автобус для гурманов» специализируется на доставке на дом вкуснейших воскресных завтраков. Как известно каждому поклоннику «Автобуса для гурманов» (в том числе и автору этой статьи!), завтраки от этой компании – это что-то! Хрустящие круассаны, яйца бенедикт, свежавыжатый сок, я уж молчу про торты и пирожные!

Тоненькой блондинке Лин (она, конечно же, не позволяет себе излишне увлекаться собственной продукцией) эта идея впервые пришла в голову три года назад, когда она владела хорошим кафе. С тех пор компания развивается все быстрее благодаря франшизам по всей стране и стойкому интересу зарубежных покупателей. В августе прошлого года Лин была удостоена престижной премии «Бизнес-вумен года».

Но управление «Автобусом для гурманов» нисколько не мешает Лин полноценно общаться со своим партнером, компьютерным гением Майклом Димитрополусом, своей полторагодовой дочерью Мэдди и пятнадцатилетней приемной дочерью Карой. Лин работает дома, а ее мать два-три дня в неделю сидит с ребенком.

«Семья очень важна для меня», – призналась нам Лин в своей тихой гавани – доме. Она встретила меня в костюме превосходного покроя, ее светлые волосы до плеч были стильно уложены, а макияж – безупречен.

На столе была ваза с огромным букетом роз. Я спросила, по какому поводу цветы? Уж не день ли рождения у нее?

– Вовсе нет, – ответила Лин, чуть смутившись. – Майкл часто дарит мне цветы просто так, без всякого повода.

Но это еще не все! Она выкраивает время, чтобы два раза в неделю вести занятия по аэробике.

– Мне это очень нравится, – говорит Лин, скрестив свои стройные ноги. – Эти уроки – мое свободное время. Я без них не могу.

Также Лин любит кататься на лыжах (в этом году в Аспене!), читать (бесспорный фаворит – книги о личностном росте!) и ездить на горном велосипеде (честное слово!).

И вот любопытная подробность! Лин – одна из тройняшек! Ее сестра Катриона, исполнительный директор по маркетингу в компании «Холлингдейл чоколейтс», – это полная копия Лин. Джемма, не однойцевый близнец, хотя и очень похожа на своих сестер, обучает детей в начальной школе. Сестры очень близки между собой.

– Они мои лучшие подруги, – призналась мне Лин.

Их мать, Максин Кеттл, возглавляет Австралийскую ассоциацию многоплодных матерей, регулярно выступает на мероприятиях с участием матерей двойняшек и тройняшек и является автором книги «Рай и ад многоплодной беременности», опубликованной во многих странах мира. Отец, Фрэнк Кеттл, – известный в Сиднее застройщик. Родители расстались, когда девочкам было шесть лет.

– У нас было прекрасное детство, – вспоминает Лин. – Мы проводили время и с мамой, и с отцом и были совершенно счастливы.

Что же впереди у этой суперженщины?

Возможно, еще один ребенок, а также расширение компании и открытие собственного производства обедов и ужинов (мммммм!!!).

Что бы она ни делала, будьте уверены: у этой замечательной молодой женщины все получится! Поистине пример для подражания!

Заказы на дом принимаются в «Автобусе для гурманов» по телефону: 1 300 BREKKY.

Лин пожала плечами, передавая журнал матери.

– Хорошо, что журналистка хоть догадалась прорекламирровать мой бизнес. Не знаю, на что обиделась Кара, ведь это меня выставили полной идиоткой.

– Знаю, – ответила Максин. – На фотографию. Кара получилась ужасно.

Лин взяла журнал и всмотрелась в снимок. Фотограф снял Кару так, будто она гримасничала: уголки рта кисло опущены вниз, один глаз некрасиво вытаращен. Фотограф был ни при чем. Кара сама все время хмурилась, ворчала и вздыхала, потому что пришла только по настоящему отцу.

– Ты права, – не стала спорить Лин.

– Знаю, что права, – Максин посмотрела на Мэдди, которая самозабвенно болтала с собственным отражением в стекле буфета. – Лин, в чем это она перемазалась? Ну и свинтус!

– В «Веджимайте». Когда Джемма и Кэт это читают, я не могу дослушать до конца.

– Не понимаю почему. – Максин опустила на колени и, зажав щеки Мэдди, вытерла их носовым платком. Мэдди не сводила глаз с маленькой девочки в стекле и заговорщически улыбалась. – Ты же сказала, что они твои лучшие подруги.

– Вот именно! А я никогда ничего подобного не говорила.

Лин взяла ключи с журнального столика и посмотрела на Мэдди – девочка сосредоточенно вырывала страницы из журнала.

– Поцелуешь мамочку? – спросила она почти без всякой надежды.

– Нет! – Мэдди оскорбленно посмотрела на нее. Лин склонилась к девочке, но та строго подняла вверх палец и повторила: – НЕТ!

– Ну ладно... – Лин взяла портфель. – Буду часов в шесть. Мне еще забирать Кару у друзей после совещания в булочной.

– Видок у тебя ужасный, Лин, – заметила Максин.

– Спасибо, мамочка.

– Да, ужасный. Ты просто скелет – тусклая, серая, смотреть невозможно. Надо сказать, тебе это совсем не к лицу. Я всегда тебе говорю: не носи черное, но ты ведь не слушаешь. Ты взваливаешь на себя слишком много. Почему мать Кары никогда ее не берет? Почему Майкл не может настоять на своем?

– Мама, ну хватит...

Лин почувствовала, как в горле у нее зашепотало. Она положила портфель и трижды чихнула.

– Аллергия, – довольно заметила Максин. – В это время года у всех вас... Схожу за лекарством.

– Некогда мне.

– Я быстро. Сядь.

Она вышла из комнаты, цокая каблуками по плиткам, и Мэдди вприпрыжку побежала вслед за ней. Лин вдруг почувствовала сильную усталость и опустилась на бежевый мягкий диван своей матери.

Она смотрела на ряды знакомых фотографий на стенах. Вот традиционная для близнецов Кеттл: Джемма в середине, Лин и Кэт по бокам. Мамино чувство равновесия удовлетворялось, когда рыжеволосая разделяла двух блондинок. Совершенно одинаковые платья, совершенно одинаковые ленточки, совершенно одинаковые позы. Три маленькие девочки, прищурив глаза, смеются в камеру. Смеялись они, конечно же, над отцом. В раннем детстве они считали его самым смешным человеком на свете.

Она слышала, как мать в кухне выговаривала Мэдди: «Нет, нельзя. Это таблетки, а не леденцы. И нечего на меня так смотреть, моя дорогая. Нечего!»

Некоторые подруги Лин жаловались, что их детей донельзя балуют любящие бабушки и дедушки. Ей же не нужно было волноваться, что Максин превысит с Мэдди некую дисциплинарную квоту. Оставить девочку с бабушкой было все равно что отправить ее на военные сборы.

На журнальном столике лежал какой-то документ, который, по-видимому, за минуту до этого внимательно изучала Максин. Лин взяла его в руки. Это оказался текст выступления на родительском семинаре под названием «Головная боль и веселье в кубе».

– Она сделала карьеру из своего материнства, – всегда ворчала Кэт.

– Ну и что тут такого? – отзывалась Лин.

– Это эксплуатация.

– Да ладно тебе!

Лин не спеша пролистывала страницы. Почти все ей было знакомо – по предыдущим выступлениям, статьям и книге матери.

По временам может охватывать ощущение, что вы участвуете в нескончаемом комедийном шоу. В конце концов привыкаешь к удивленным взглядам и вопросам совершенно посторонних людей. Помню, как-то я специально подсчитала, сколько раз меня останавливали незнакомцы, которым просто хотелось посмотреть на моих дочерей, по пути в торговый центр в Четсвуде. Это случилось...

Пятнадцать раз, вспомнила Лин. Да, мы знаем, целых пятнадцать раз!

Подсчитано, что на уход за тройняшками тратится 28 часов в сутки. Любопытно, с учетом того, что, как всем известно, в сутках всего 24 часа! (ПЕРЕЖДАТЬ СМЕХ.)

Вряд ли в этом месте кто-то будет смеяться. Не так уж и смешно, если честно...

У монозиготных, то есть однойцевых, близнецов все гены абсолютно одинаковые. Дизиготные, или двухцевые, близнецы имеют лишь четверть одинаковых генов, как обычные братья и сестры.

Джемме было бы обидно называться обычной сестрой. Когда они были во втором классе, сестра Джойс Мэри нарисовала на доске трехлистный клевер, чтобы наглядно объяснить, как Отец, Сын и Святой Дух триедины в Боге. В воздух взлетела рука Джеммы: «Как тройняшки! Как мы!» Монахиня растерянно заморгала и ответила: «По-моему, девочки Кеттл – это не совсем Святая Троица». – «Что вы, сестра, мы и есть троица», – снисходительно пояснила Джемма.

Когда Джемма рассказала об этом Максин, та пояснила, что это было бы верно, если бы девочки появились из одного яйца. Однако только Лин и Кэт были совершенно одинаковыми, а Джемма – однойцевой, поэтому их нельзя сравнивать со Святой Троицей, что само по себе уже страшная чепуха. «Не хочу быть однойцевой!» – заныла тогда Джемма. «А если бы мы были сиамскими тройняшками? – спросила Кэт. – У нас бы что, головы срослись?» Но тут мама погромче включила радио в машине, чтобы заглушить причитания Джеммы.

Соперничество братьев и сестер – это крайне сложная проблема, которая требует отдельного и подробного рассмотрения. С другой стороны, вы, может быть, завидуете матерям единственных детей и переживаете, что ваши дети гораздо ближе друг к другу, чем к вам. Это совершенно нормально.

А вот это было ново. Правда ли, что их практичная до мозга костей мать никогда не волновалась ни о чем подобном?

– Зачем ты сказала журналистке, что Джемма – учительница? – спросила Максин, вернувшись в комнату со стаканом воды и таблеткой.

– Ну, наверное, время от времени она еще дает уроки, – ответила Лин, отложив речь в сторону. – Что я, по-твоему, должна была сказать?

– Да, конечно, в этом вся загвоздка, – согласилась Максин. – Мастер на все руки... За что только не берется. На днях я звонила ей, и она между делом сказала, что торопится на какую-то рекламную акцию в «Fox Studios», где надо ходить на ходулях, представляешь? Я ее спросила: «Джемма, ты что, умеешь ходить на ходулях?»

– Не умеет она, – ответила Лин. – Она сказала потом, что все время сваливалась. Но детям, которые были в зале, наверное, это показалось очень смешным.

– Да уж куда смешнее. Джемма у нас скиталец. Сегодня я в газете прочитала об одном убийце в Мельбурне. Его называли Скитальцем. Я подумала, что Джемму вполне можно так назвать! Моя собственная дочь – скиталец! Надо же!

– По крайней мере, она скитается неподалеку. В районе Сиднея...

– И то хорошо... – Сидя на диване перед Лин, Максин вдруг глубоко вздохнула и прижала руки к коленям, как будто чего-то боялась. – Вообще-то, я хотела с тобой кое о чем поговорить. Так, ерунда...

– Правда?

Мать обычно не намекала, что хочет поговорить; она выкладывала все и сразу.

– О чем же?

Тут на журнальном столике завибрировал мобильник Лин. Она посмотрела, кто звонит, и сказала:

– Легка на помине. Я переведу ее на голосовую почту.

– Нет. Отвечай. После переговоров. Ты все равно торопишься...

Максин стремительно встала и взяла стакан из рук Лин.

– Скажи Джемме, чтобы не забывала поливать цветы этого бедолаги, – загадочно добавила она и зацокала по плиткам, громко спрашивая: – Ну и что ты там творишь, Мэдди?

– У Кэт кризис! – радостно объявила Джемма. – Угадай, где она сейчас?

– Сдаюсь сразу! И где же?

– Ладно, скажу. Она сидит в своей машине рядом с домом той самой!

– Какой еще той самой?

– Не доходит, что ли? Да той, с которой у этого подонка Дэна был секс! Кэт ее выслеживает. Она сейчас может такое выкинуть – мало не покажется!

– Ты хоть раз в жизни можешь обойтись без этих своих шуточек? – спросила Лин. – Что она там делает?

– Послушай сначала, как она ее нашла! Прямо как заправский детектив!

– Джемма...

– Я не шучу. Вот уж нисколько не шучу! Нам нужно остановить ее! Она говорит, что хочет просто посмотреть на эту женщину, но для Кэт этого наверняка будет мало, тебе не кажется? Вполне возможно, она задумала облить ее кислотой или еще как-то изуродовать. Может, съездим туда на твоей машине? В моей кондиционер не работает.

– У меня через полчаса собрание, – ответила Лин, взглянув на часы.

– Я тебя жду у крыльца.

– Джемма!

– Ой, не могу говорить, сейчас чихну! – И Джемма закончила разговор соответствующим звуком.

Лин отложила трубку, потерла глаза костяшками пальцев, припоминая, где сейчас живет Джемма.

Она подумала о собрании в пекарне. Там бы ее окутал сытный запах вперемешку со всеобщим уважением и удовольствием от встречи с успешными, профессиональными, спокойными, нормальными людьми.

Она крикнула Максин:

– Дай-ка мне еще две такие таблетки!

О «так, ерунде» своей матери она и думать забыла.

Глава 3

- Ты меня кинула.
- Что? Я?
- Ты меня кинула, потому что кто-то умер?
- Надеюсь, что нет.

Больше всего на свете Джемма не любила просыпаться по утрам. Каждый день начинался у нее с отчаянной борьбы. Даже если, как сейчас, ее будил телефонный звонок, она продолжала сопротивляться проясняющемуся сознанию, зажимая глаза и глубоко дыша, совершенно не вслушиваясь в смысл того, что ей говорили.

Если ей везло, разговор продолжался недолго, и после него она проваливалась обратно в свой сладкий сон.

– Я типа даже надеялся, что кто-то умер. Ну, такой... не очень близкий. Это укрепило бы мое шаткое эго.

Голос был явно мужской, но она понятия не имела, кто ей звонит, о чем речь, и все еще надеялась вернуться в объятия сна.

- Угу, я поняла, – вежливо пробурчала она.
- Нашла кавалера получше?
- Эммм... – вздохнула она и зарылась в одеяло с головой.
- Ты все еще в кровати? Вчерашний вечер удался на славу?
- Ш-ш-ш! Перестань болтать. Рано еще. Сегодня суббота.

Но в самом дальнем уголке ее сознания начинало нарастать какое-то беспокойство.

– Вот именно, суббота. А вчера была пятница. Я ждал, и ждал, и ждал... Пока все посетители ресторана не прониклись ко мне сочувствием и жалостью. Даже принесли бесплатный чесночный хлеб.

– Кто это? – Как Франкенштейн, возрожденный к жизни, Джемма резко выпрямилась и села.

- Сколько ты вчера кинула? Развлекаешься таким макарон каждой пятницу?
- Боже мой! Ты слесарь!

Она отбросила одеяло и выпрыгнула из постели, прижав к уху телефон. Другой рукой она отбросила назад челку. Как такое могло произойти?

– Сама не знаю, как это получилось! Это так невежливо! Такая невоспитанность! Я ужасно извиняюсь. Но у нас семейный кризис. Я страшно переволновалась, потому что моя сестра чуть не превратилась в настоящую маньячку. Хотя это меня не оправдывает.

- Продолжай...
- Я чувствую себя ужасно. Честное слово!

Она и правда чувствовала себя ужасно. И не только потому, что обидела слесаря, но и потому, что она совершенно забыла о том, чего с таким предвкушением ожидала! Может, она забыла еще что-нибудь и даже понятия об этом не имеет? Что-нибудь хорошее. Скажем, выигрыш в лотерее. Предложение о работе. Ей стало жутковато.

– Тебе и следует чувствовать себя ужасно, – продолжал слесарь. – Как собираешься искупать вину?

Джемма сидела на краешке кровати, скрестив ноги и натянув на колени футболку. Голос на том конце провода был сексуальный и твердый. Может быть, ей стоит завести привычку пропускать первые свидания?

– А-а, искупление... – протянула она. – Я католичка, мы с этим хорошо знакомы. Ну и что мне делать? Купить тебе завтрак?

– Нет. Думаю, ты должна приготовить мне завтрак. Себе – завтрак. А мне – обед. Получится такая трапеза на двоих. И во время этой трапезы ты сможешь рассказать мне о своей психованной сестре.

– С удовольствием, даже с большим удовольствием, вот только я не готовлю. Значит, надо придумать что-нибудь другое.

– Я буду через двадцать минут.

Джемма отпустила футболку и прижала колени к себе, сощурившись от удовольствия.

– Я не готовлю, – повторила она. – Это мои сестры готовят.

– Твои сестры меня не кидали.

После этого он повесил трубку, даже не попрощавшись.

Что ж! Голос был очень, очень приятный!

С другой стороны, вначале они все приятные.

Лин считала, что Джемма зависела от вещества под названием фенилэтиламин. Это вещество разливалось по всему телу, стоило только влюбиться. За последние десять лет Джемма пережила больше четырнадцати романов (Лин вела им счет), и, как говорила Лин, это было даже уже не смешно; наоборот, такая прыть пугала. Наверное, из-за этой-то зависимости Джемма рвала с очередным кавалером, как только роман переходил из первой стадии – влечение – во вторую – интим.

Хорошо, что фенилэтиламин можно было найти в шоколаде. Лин советовала Джемме потреблять больше шоколада, чтобы перевести наконец отношения в третью стадию – длительную и надежную связь.

Джемма подумала, много ли у нее шансов перейти на третью стадию в отношениях с... С...?

Как, черт возьми, его зовут?

В голове было совершенно пусто, что было дурным знаком.

Она вспомнила, как схватила ключи с кухонного стола и начала укоризненно звенеть ими, точно мать, уличавшая своих детей в очередной шалости, как будто они нарочно сами закрылись в доме. Слесарь тогда с улыбкой посмотрел ей в глаза, потому что был одного с ней роста.

Джемма с сестрами строго соблюдали правило «не ниже метра восьмидесяти», но смотреть этому мужчине в глаза было необыкновенно приятно, как будто они лежали в постели, и это ее немного шокировало. Она подумала: может, правило пора менять?

– Забавно, что люди всегда стремятся показать мне ключи после того, как я взломаю их дверь, – сказал он.

Его волосы были подстрижены так коротко, что он казался практически лысым. Плечи были широкие, нос чуть крючковатый, а ресницы... невероятно длинные. Красивого мужчину они сделали бы женственным. Слесаря же делали красивым.

Джемма так прямо ему и сказала:

– Ресницы у вас просто удивительные.

Была у нее такая плохая привычка: говорить комплименты первым встречным. Как-то женщина, с которой она столкнулась в лифте, узнала, что имеет необыкновенно красивые ключицы. Это привело незнакомку в такое замешательство, что она принялась жать на все кнопки подряд.

– Знаю, – ответил слесарь. – Долго же вы молчали об этом.

Джемма удивленно прыснула, когда он наклонился к ней, наставив на нее свои ресницы. И он тоже расхохотался. Смех у него был утробный, уютный. Таким смеются здоровяки. От этого ей стало еще веселее.

Не успела она отсмеяться, как он представился и спросил, можно ли пригласить ее на ужин в пятницу.

Имя у него было какое-то особенное и почему-то смешное. Непонятно с чего, но она подумала: «Ха-ха, уж это имя я точно запомню». Но было в нем и что-то печальное. Такой еле заметный налет грусти. Странно. Что бы это значило? Что это за имя такое – смешное и грустное одновременно? Интересно! Поскорей бы вспомнить.

Она оглядела комнату в поисках источника вдохновения. Солнечный свет падал через открытое окно, легкий ветерок то поднимал, то опускал кружевную занавеску. Она поселилась в этом доме чуть больше двух недель назад, но уже чувствовала, что он станет одним из ее самых любимых. Солидная мебель красного дерева казалась терпеливой и мудрой, а заваленные всякой всячиной шкафы и полки – дружелюбными и нестрашными.

До этого она прожила два месяца в городской квартире дикой расцветки. Эта пестрота чуть не свела ее с ума. Здесь, в зеленом пригороде Хантерс-Хилл, она станет спокойной и уравновешенной. Может, даже готовить научиться.

Джемма была хаусситтером, то есть присматривала за домами, пока их хозяева куда-нибудь уезжали. В списке сиднейских хаусситтеров у нее была реклама, напечатанная жирными буквами и заключенная в рамку.

Одинокая женщина 30+ с отличными рекомендациями. Очень ответственная. Исключительно внимательна к вопросам безопасности. По-настоящему серьезно отношусь к своему делу! Вы войдете к себе с чувством, что вышли пять минут назад! Ваш дом, ваши животные и ваши растения ощутят на себе мою неусыпную заботу!

Этот дом принадлежал Пентерстам, врачам, которые, выйдя на пенсию, отправились в годовое путешествие по Европе. Мэри и Дон прониклись к Джемме симпатией и даже прислали ей открытку. «Как там наши африканские фиалки?» – спрашивали они из Венеции.

У Дона была коллекция из шести африканских фиалок с толстыми пушистыми листьями. Перед отъездом он сказал ей: «Разговаривайте с ними хотя бы минут по двадцать в день. Не думайте, что я „того“, – это действует! Есть документальные подтверждения! Об этом пишут в Интернете! Некоторые говорят, что это углекислый газ. Так вот, болтайте с ними понемногу о том о сем».

– Просто поливайте их, дорогая, и все, – шепнула ей на ухо Мэри.

– Никакого «просто», – возразила Джемма. – В вашем доме все должно быть точно так же, как при вас.

Поэтому она добросовестно обходила ряды цветов, стоявших на подоконниках, и гладила их листья. Всех их она в шутку называла Виолеттами: «Как же зовут этого слесаря? А, Виолетта? Что скажешь? А ты, Виолетта? Ну ты-то, Виолетта, точно должна помнить!»

Но Виолетты были озадачены не меньше ее самой.

Джемма снова села на кровать и стала разглядывать семейные фото в рамках, стоявшие на прикроватном столике. Это были единственные личные вещи, которые она брала с собой, отправляясь присматривать за очередным домом. Все остальное оставалось точно таким же, как при хозяевах.

Коллекция ее фотографий была пестрой, собранной без всякой логики. Вот ее пятилетний отец недобро улыбается с черно-белой фотографии, а вот пятнадцатилетняя Кэт сердито грозит пальцем фотографу. («Джемма, зачем хранить такую отвратительную фотографию? – спрашивала ее мать. – А тем более зачем выставлять ее на всеобщее обозрение?» – «Я заплачу тебе за нее пятьдесят баксов, – сказал Дэн. – Посмотри только на эту цыпочку! Тронь мою жену, только попробуй».)

Рядом со снимком Кэт стояла черно-белая фотография ее пятнадцатилетней матери. Она сидела на пляже, непринужденно положив руку на плечо своей лучшей подруги, и с сия-

ющей улыбкой на губах и мокрыми волосами на лбу смотрела прямо в камеру. Трудно было поверить, что из этой девочки выросла вечно сердитая Максин Кеттл.

Джемма взглянула на фото матери, и имя слесаря как будто само собой всплыло в ее памяти.

Чарли! Ну конечно Чарли! Какое облегчение!

Весело от этого имени становилось потому, что так звали парня, с которым мама встречалась перед тем, как познакомилась с отцом. Того, за которого она собиралась замуж. Чарли был в той жизни, которая была бы у ее матери, если бы у нее не сработали яичники.

В старых альбомах, где хранились фотографии с девятнадцатого дня рождения Максина, были снимки и этого парня – зануды с натянутой улыбкой и торчащими вперед зубами. «Как хорошо, что ты за него не вышла – у всех нас были бы такие же зубы», – говорили матери три сестры. Максин фыркала и смотрела на них, прищулив глаза, как бы воображая спокойных, выдержанных дочерей, которые могли бы у нее появиться (одна за другой, конечно), стань она супругой Чарли Эдвардса.

Вот почему имя слесаря вызывало у Джеммы улыбку. Но почему оно навевало грусть?

– Мама, я не жалею, что все так вышло, – обратилась Джемма к снимку своей матери. Максин безмятежно улыбалась ей, и Джемма прижалась лицом к карточке. – Или жалею? Хотя с чего бы?..

Стоп! Пора было подумать о другом Чарли. Чарли с длинными ресницами и отличными зубами! Чарли, который сейчас спешил к ней, напрасно рассчитывая на домашнюю еду.

Джемма вернулась к огромной кровати Пентерстов, снова завалилась на нее и довольно потянулась.

И что же ей приготовить на завтрак, чтобы реабилитироваться? Ответ был очевиден: «Ничего». В доме не было даже корочки хлеба.

Через двадцать минут она проснулась, вздрогнув от звука мужского голоса.

– Я смотрю, на тебя в принципе не стоит полагаться.

Она открыла глаза. У кровати на корточках сидел мужчина, положив большие ладони на худые ноги в синих джинсах.

– Как ты сюда попал? – сонно спросила она, и он закатил глаза. – А... Ну конечно...

Джемма вытянула руки над головой и зевнула. Она встретила с ним глазами, и зевок превратился в довольный смех.

– Ну, привет, Чарли...

– Здравствуй, Джемма. Где мой обед?

Ресницы были именно такими, какими она их помнила.

От кого: Гвен Кеттл

Кому: Джемме Кеттл

Тема: Привет, дорогая

Привет, Джемма!

Фрэнк присоединил меня к Интернету. Он долго возился и много ругался – можешь себе представить, я думаю. По-моему, сейчас у нас все в порядке. Я посылаю каждой из вас по письму. Как у тебя дела? Как там твоя аллергия? Надеюсь, ты чувствуешь себя лучше. Фрэнк говорит, что ты вкладываешься в акции со своего компьютера и дела идут неплохо. Поздравляю, дорогая, и желаю всяческих успехов. Я рассказала об этом своей соседке Беверли, но она почему-то не поверила. На редкость противная женщина.

Люблю, целую, твоя бабушка.

От кого: Джемма Кеттл

Кому: Гвен Кеттл

Тема: БАБУЛЯ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ! ПРИВЕТ!

БАБУЛЯ!

ПОЗДРАВЛЯЮ! Смотрю, и у тебя дела идут неплохо! Отец никогда не говорил, что помогал тебе освоить Интернет, и я ужасно обрадовалась твоему письму. Мы теперь можем постоянно быть на связи!

Да, правда, я покупаю акции в Интернете, и это очень здорово, как покер, только гораздо лучше. Я тебя потом научу (маме об этом лучше не говорить, если ты поддерживаешь с ней связь). Соседка Беверли просто круглая дура.

Я тут серьезно задумалась насчет нового знакомого. Сегодня утром мы с ним завтракали. Бабуля, не подумай ничего такого, на ночь он не оставался.

Он слесарь. Полезный в доме человек, правда? Например, если вдруг понадобится сменить замок. Кстати, тебе не надо? Он ездит на мотоцикле, а семья у него итальянского происхождения. Сексуально, да? Я, пожалуй, скоро вас познакомлю, а ты потом скажешь, как он тебе.

С любовью, Джемма.

– Так когда, по-твоему, мне стоит заняться сексом с этим моим слесарем?

Вечером того же дня Джемма лежала в ванной, погрузившись по самую шею в воду с персиковой пеной, и болтала с Лин по мобильнику. Она выключила свет – ванную освещали десятки мерцающих ароматизированных свечей. На расстоянии вытянутой руки стояла коробка шоколадных конфет смешной формы – их делала компания, где работала Кэт. Сестра постоянно снабжала ее бракованным продуктом «Холлингдейл чоколейтс». По трагической профслучайности Кэт воротило от одного только запаха шоколада.

Ванна у Пентерстов была гигантская – это было чудесно и немного пугающе одновременно, потому что напоминало Джемме те сцены в кино, когда героиня мечтательно (и так глупо!) нежится в наполненной пеной ванне, а в это время по лестнице крадется злоумышленник с ножом в руке. Чтобы убедить себя в том, что такого не случится, она постоянно думала об этом. И в целях усиления безопасности брала мобильник в ванную и звонила здравомыслящим людям, таким как мать и сестра.

– Я думаю, на четвертом свидании, в противовес моей обычной схеме: я привыкла сдаваться уже на третьем... – Она подняла ногу, всю в пене, и стала внимательно следить за тем, как пена стекает обратно в воду, от которой поднимался пар. – А ты что думаешь?

Неожиданно громкий голос Лин вырвался из мобильника и испортил всю идиллию:

– Я не знаю и мне все равно! – раздраженно бросила она. Казалось, что, говоря по телефону, Лин все время то ставит тарелки в посудомойку, то вынимает их оттуда. – У меня уже есть один подросток, больше не надо, спасибо.

– Оу!

Нога шлепнулась в воду, потому что девушка срочно принялась искать другую тему для разговора. Нужно было показать сестре, что ее слова никак не задели Джемминых чувств.

– Джемма, ради всего святого, почему ты всегда все принимаешь так чертовски близко к сердцу?

Слишком поздно...

– Я всего-то и сказала: «Оу».

– Мэдди устроила мне веселую жизнь. У Майкла стресс. Кара грозит, что подаст на меня в суд. Рождественские заказы растут как на дрожжах, а персонал, наоборот, куда-то расползается. Чего ты от меня хочешь?

– Ничего не хочу. Я просто, ну, знаешь, позвонила поболтать, от нечего делать.

– Мне некогда болтать от нечего делать. Ты после той драмы в пятницу говорила с Кэт?

– Да. – Джемма снова почувствовала себя непринужденно. – Дэн предложил вместе сходить к семейному психологу.

– Вот козлина!

Для Лин это было очень сильное выражение.

– Да, так и есть, – согласилась Джемма. – Но только временная козлина, тебе не кажется? Они что-нибудь придумают. Дэн сделал глупость. Это была ошибка, вот и все.

– Я всегда его терпеть не могла.

Часть пенной массы вылилась за борта ванной, потому что Джемма быстро выпрямилась.

– Серьезно?

– Вполне.

– Мне казалось, мы все были от него без ума! – Джемму слегка подташнивало.

– Кого любить, а кого нет – это не коллективное решение.

– Это-то да, но... Я и не знала, что мы – то есть ты – так к нему относишься.

– Мне пора. – Голос Лин стал тише, стукнула тарелка. – Слесарь – это прекрасно. Переспи с ним, как только почувствуешь, что готова к этому. Старайся не разбить ему сердце. И не обращай на меня внимания. Я просто устала. Железа не хватает.

Джемма положила мобильник на сырой пол ванной и большим пальцем ноги чуть сдвинула пробку, чтобы слить прохладную воду и добавить горячей. А затем протянула руку за бесформенной шоколадной массой с клубничным кремом внутри.

Конечно, она злилась на Дэна. Ужасно злилась. Настолько, что с удовольствием врезала бы ему при первой же встрече. Она предвкушала, как оскорбит его при всех на Рождество, оставив без подарка. Даже билетик моментальной лотереи не купит!

Но холодная ненависть в голосе Лин была куда сильнее чувств, которые испытывала Джемма.

Она вспомнила, как в пятницу у нее екнуло сердце, когда она увидела одинокую маленькую «хонду» Кэт на обочине дороги, в совсем незнакомом районе.

Быстрым движением руки Лин выключила зажигание.

– Это просто смешно!

Вместе они подошли к машине Кэт и постучали по водительскому окну. Кэт опустила стекло:

– Залезайте, быстро!

Джемма запрыгнула на заднее сиденье, а Лин устроилась впереди. На щеках Кэт пылали красные пятна.

– Здорово, правда? – Глаза Кэт сияли.

– Не-а, – отозвалась Лин.

– Ага, – согласилась Джемма.

– Все нормально. Все хорошо. Я не собираюсь с ней говорить, – сказала Кэт. – Мне нужно только посмотреть на нее, и все. Мне нужно знать, как она выглядит.

– Отбросив в сторону всю дикость этой затеи, – как всегда, деловито заметила Лин, – ты не подумала, что она может быть на работе?

– Молода она еще работать! – ответила Кэт. – Она учится на юридическом. И умная, и симпатичная. Мой муж с первой встречной спать не будет! Я уже вычислила ее расписание. У нее утром одна лекция, а потом она целый день ничего не делает.

– О. Мой. Бог. – Лин развернулась и в упор уставилась на Кэт.

Кэт яростно посмотрела на сестру:

– Какие-то проблемы?

Джемма нежно взглянула на два одинаковых профиля:

– Кто-то идет.

Лин и Кэт одновременно обернулись, и Кэт сдавленно охнула. К машине приближалась девушка. У нее были длинные темные волосы и рюкзак за спиной.

– Она? – Джемма едва подавила смех – детский сад какой-то! – Нам спрятаться?

– Да, она, – отозвалась Кэт, сидя очень прямо и в упор глядя на девушку, которая подходила все ближе. – Анджела.

– Откуда тебе знать наверняка? – прошептала Лин и сползла пониже на своем сиденье.

– Я заставила Дэна описать мне ее в мельчайших деталях. Это точно она. – Кэт взялась за ручку двери. – Я хочу с ней поговорить.

– НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ!

Лин и Джемма стремительно схватили сестру за локоть, но Кэт с поразительной силой стряхнула их руки и с грохотом захлопнула за собой дверь.

Лин закрыла лицо руками:

– Не хочу этого видеть!

Джемма же завороченно наблюдала, как две женщины приближались друг к другу.

– Может, нам стоит пойти за ней?

– Будет обижать – скажи, – приглушенно произнесла Лин.

– Идут навстречу друг другу, – прокомментировала Джемма. – Девушка ей улыбается.

Лин убрала руки от лица, и сестры увидели, как девушка стала возбужденно махать руками, показывая куда-то в сторону машины, будто объясняя, как проехать. Кэт кивала. Через пару секунд, несколько кивков и взмахов руками Кэт обернулась и с невозмутимым выражением лица пошла к машине. Она открыла дверь и села на водительское сиденье. В машине повисла тишина.

Кэт наклонилась и уперлась лбом в руль.

– Может, не она... – сказала Лин.

– Ее даже и красивой-то не назо... – начала было Джемма.

Но не успела она договорить, как все три чуть не подпрыгнули – кто-то постучал в окно Кэт. Девушка, нагнувшись, с улыбкой смотрела на сестер.

«Ого... – подумала Джемма, затаив дыхание. – Да она писаная красавица!»

Кэт неуклюже опустила стекло.

– Извините, – сказала девушка. – Я ошиблась. Сначала налево, а не направо. Значит, налево, налево, а потом уже направо.

– Ха! – коротко бросила Кэт.

Лин наклонилась и боязливо помахала девушке.

– Огромное вам спасибо! – выговорила Джемма, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

– Извините, – повторила девушка. – Налево, налево и направо.

– Да-да, – признательно произнесла Лин. – Мы поняли.

Девушка улыбнулась и пошла к своему подъезду.

– Хорошенькая. – Кэт не выпускала руля из рук. – Очень, мать ее, хорошенькая!

– Это не важно, – возразила Лин.

– А мне вот она не показалась хорошенькой, – сказала Джемма. – Какая-то скучноватая. Без изюминки.

– Может, поедem отсюда?

В тот вечер, когда Чарли жевал свой бесплатный чесночный хлеб, три сестры смотрели видео дома у Лин. Майкл приготовил им пасту. Кэт немного развеселилась, прочитав жуткую статью о Лин в журнале «Она». Мэдди упрямо болталась рядом, пока ей не пришло время укладываться и Лин не предложила всем троим научить ее играть в иглу.

Эту игру придумала Кэт, когда они были еще совсем маленькими. Надо было спрятаться под белой простыней и представить себе, что они эскимосы и живут в иглу. Поскольку эскимосы живут на Севере, где очень холодно, нужно было тесно прижаться друг к другу и трястись как можно сильнее, а еще лучше – стучать зубами. Иногда Кэт храбро вылезала на снег, чтобы на обед поймать рыбу или убить полярного медведя. Джемме и Лин на охоту выходить не разрешалось, потому что игру придумала Кэт, она и устанавливала правила: их обязанностью было сидеть в иглу и поддерживать там огонь.

Они обожали играть в иглу, особенно когда родители начинали ссориться. Как только раздавались вопли, Кэт командовала: «В иглу, быстро!»

Мэдди не особо понимала смысл игры, но для Лин и Джеммы это был лишний повод обнять Кэт.

Джемма положила голову на бортик ванной, и вдруг ей стало очень неудобно: слишком жарко, слишком душно – аж голова разболелась. «С этими ванными, как с моими романами, – подумала она, – сначала „ах“ и „ох“, а потом ни с того ни с сего – скорее бы уж все закончилось!»

Она осторожно прошла по мокрым плиткам, щурясь на яркий свет. Протерев запотевшее зеркало, она отступила чуть в сторону и, обернувшись, посмотрела на себя через плечо, кокетливо надув губы. Втайне она считала, что с мокрыми волосами выглядит сексуальнее всего.

Секс...

Веселое занятие. Иногда ее удивляло, что с кем-то у нее мог быть секс. Это было, скажем так, немного шокирующе.

– Мужчины и женщины делают что? – переспросила восьмилетняя Джемма, когда мать усадила своих дочерей перед собой, чтобы открыть им суровую правду жизни.

Максин вздохнула и еще раз терпеливо объяснила самое основное.

– Не верю! – в ужасе воскликнула Джемма.

– Я тоже, – заявила Кэт и сложила руки перед собой. Она ко всему относилась с недоверием, а особенно к словам матери. – Выдумываешь ты все!

– Если бы... – ответила мать.

– Наверное, это все-таки правда, – грустно сказала Лин.

Как получилось, что эта девочка родилась, как будто зная уже все на свете?

Иногда, когда Джемма думала о сексе или даже занималась им, она, казалось, слышала отдаленное эхо того, что стало для нее ударом в восемь лет. «Боже мой... – думала она, глядя в потолок, пока очередной кавалер сосредоточенно елозил по ее телу, – ну вот что он сейчас здесь делает?»

Но охоты к частому сексу это у нее нисколько не отбивало.

Она поискала «Листерин» в шкафчике ванной и вспомнила, как сегодня утром в кухне Пентерстов стоял Чарли. «Грустное зрелище, – сказал он, заглянув в холодильник и обнаружив там подозрительно пахнущую бутылку молока. – Ты, значит, и правда не готовишь?»

– Не-а.

Он закрыл дверцу холодильника и прислонился к ней спиной, сложив руки на груди.

– Ну и чем же ты будешь кормить меня, Джемма?

Он чуть-чуть неправильно произносил ее имя, делая ударение на второй слог, и у него получалось «Джемма́».

Она отвела его в местное кафе, где завтракать можно было хоть весь день, а хозяева безмятежно восседали на диванах, листали бесплатные журналы и газеты и посматривали на посетителей поверх своих особых предложений на завтрак.

Первое свидание, как всегда, было многообещающим. Возникало приятное чувственное напряжение, когда взгляды встречались, расходились и встречались снова. Чарли чуть краснел, а она обостренно воспринимала все: запахи кофе и бекона, горловину майки на карамельной коже его шеи, свою руку, которая тянулась за сахаром. Но все было странно знакомо, как будто она знала его тысячу лет, как будто в этом кафе они бывали уже миллион раз, как будто это была самая обычная суббота. Вместо того чтобы вываливать друг на друга информацию о работах, интересах, своих бывших и своих семьях, они лениво листали журналы, обмениваясь глупой информацией о знаменитостях и диетах:

– Представляешь, размер головы Николь доказывает, что она никак не могла быть счастлива с Томом!

– Посмотри на эту женщину! Она сбросила сорок килограммов, просто ходя по квартире. Муж говорит, что теперь она нравится ему гораздо больше.

А потом, когда на выходе Чарли спросил: «Что ты делаешь сегодня вечером?», – в его позе она заметила что-то незащищенное, а в его глазах, обращенных прямо на нее, – что-то веселое, и ей захотелось одновременно и засмеяться, и заплакать.

Сейчас, завернувшись в полотенце, ощущая во рту вкус мяты после «Листерина» (сегодня вечером они, по всей вероятности, в первый раз поцелуются), она прошлепала мокрыми ногами из ванной в спальню, чтобы выбрать самое обычное, самое непривлекательное нижнее белье, которое уж точно не соблазнит ее тут же лечь с ним в постель.

Она раздумывала о том, что вначале всегда все хорошо.

В ее воображении все четырнадцать ухажеров выстроились в очередь, в порядке появления: водопроводчик, любивший музыку кантри; смешной рыжеволосый очкарик – графический дизайнер, который говорил только о кино; здоровяк, который страшно боялся полысеть. В самом конце очереди, чуть презрительно улыбаясь, стоял Маркус, но видела она его гораздо четче и яснее, чем многих других. А самым ближним к ней, утробно посмеиваясь, оказался теперь Чарли. Чем ближе парни из очереди были к ней, тем ниже ростом они становились. Чарли был почти на голову ниже остальных.

Настанет ли день, когда Чарли озадаченно, затравленно посмотрит на нее и спросит: «В чем дело? Я считал, у нас все хорошо».

Джемма думала: по крайней мере, Кэт точно знает, чего хочет. Она хочет Дэна и ребенка. А еще «феррари», дом у моря, итальянский кожаный пиджак Лин и чтобы какого-то мужчину из «Холлингдейл чоколейтс» переехал автобус.

Коротко и ясно. Ни сомнений. Ни колебаний. Ни ночей, когда не спится оттого, что все никак не находится волшебная формула настоящего счастья. Даже если сейчас у нее не было именно того, чего ей хотелось, она точно знала, что ей нужно. Джемма не могла себе представить чувства более мирного или экзотического.

Нетерпеливо зазвенел звонок – звонили как будто не в первый раз. Она набросила первое, что попало под руку, на свое несексуальное белье и полетела вниз по лестнице, чтобы он не выломал дверной замок в дом еще раз.

Перманент и таблетки

Это случилось примерно в конце шестидесятых. Помню, я была в лиловой мини-юбке, желтых гольфах и туфлях на платформе. Мы с Паулой впервые в жизни отправились делать перманент.

Мы шли через парк на Хендерсон-роуд, когда вдруг заметили девушку примерно наших лет. Высокую, с роскошными длинными рыжими волосами. Она бегала за тремя хорошенькими маленькими девочками, одетыми в одинаковые желтые сарафанчики, с одинаково забранными в пучки волосами. Сначала мы подумали, что она просто вышла с ними погулять. Но потом услышали, как девочки кричали: «Мама, посмотри на меня! Мама, иди сюда!» Бедняга носилась от одной к другой, чтобы никого не обидеть.

Паула воскликнула: «Тройняшки! Какая прелесть!» И тут же одна девочка схватила другую и впилась зубами ей в руку! Та, другая, завизжала как резаная. А мать произнесла очень твердо: «Я же сказала: сегодня не кусаться! Все, прогулка закончена. Идем домой». И тут началось! Они, как осколки бомбы, разлетелись кто куда. Уж и не знаю, как бедная мамаша сумела их собрать и отвести домой.

Нас с Паулой это зрелище прямо-таки потрясло. Мы и понятия не имели, что дети кусаются, как дикие звери! Знаете, что мы сделали сразу же после перманента? Мы отправились в центр планирования семьи, который тогда только что открылся, и взяли рецепт на противозачаточные таблетки. Да-да! В один и тот же день – перманент и таблетки. Никогда этого не забуду.

Глава 4

– Знаете, моя жена – одна из сестер-тройняшек, – непринужденно произнес Дэн.

Он откинулся на скрипучей виниловой кушетке и с удовольствием закинул руки за голову. Кэт подозрительно покосилась на него. Казалось, что для него консультация у семейного психолога – это сплошная радость.

– Вот как!

Психолог от любопытства подалась вперед. Ее звали Энни, и вся она буквально искрилась от продвинутой духовной энергии и позитивных тенденций нового века. Кэт еле терпела ее. Она прямо чувствовала, как ее угрюмое подростковое «я» проявлялось в твердой линии подбородка. Так бывало, когда в старших классах их учительница – мягкая, вкрадчивая мисс Эллис – заставляла их рассказывать о своих чувствах перед всем классом. Джемма очень любила ее и потому беспрекословно повиновалась, а пораженные Кэт и Лин сидели на задних рядах и слушали ее с открытыми ртами. Кэт предпочла бы два урока счета с психованной сестрой Маджеллой-Терезой одной нервотрепке с мисс Эллис в пушистом розовом кардигане.

– Скажите, Кэт, у вас близкие отношения с сестрами? – спросила Энни с лучезарной улыбкой на губах.

Зеленое платье психотерапевта было испещрено ярко-желтыми горошинками. Несомненно, в ее гардеробе наличествовал и пушистый розовый кардиган. Она склонилась вперед, открывая взорам обоих супругов веснушчатую ложбинку между грудей.

– Не совсем, – ответила Кэт, не сводя глаз со лба Энни.

– Шутишь? – Дэн так увлекся созерцанием бюста Энни, что даже вынул руки из-под головы. – Она очень близка со своими сестрами. Они все нездорово близки, я бы сказал.

– Вот только тебя, Дэн, забыли спросить, – отрезала Кэт.

Энни откинулась в своем кресле и с легким сочувствием постучала карандашом по зубам.

– У них как будто закрытый клуб на троих, – продолжал Дэн. – И они никого в него не принимают.

– Я бы хотела поговорить о том, как Дэн мне изменил, – сказала Кэт и шумно пошевелилась на зеленом винуле.

– По-моему, неконструктивно все время талдычить об одном и том же, – раздраженно бросил Дэн и посмотрел на Энни, ища поддержки.

– Кэт нужно разобраться в своих чувствах по этому поводу, Дэн, – ответила Энни. – А мы должны уважать это, не так ли?

Ага! Энни была на ее стороне. Кэт победно взглянула на Дэна, он тоже посмотрел на нее.

– Конечно, Энни, вы правы, – кивнул он и осторожно похлопал Кэт по бедру.

Соперничество для Кэт и Дэна было настоящим афродизиаком. Им не надоедало все время пикироваться, устраивать шуточные бои за пульт от телевизора или хлестать друг друга посудными полотенцами. Катались ли они на лыжах, играли в скребл или старались в постели не дотронуться до холодных ног друг друга, оба всеми силами стремились только к одному – победить.

Вместе им было весело. Иногда, просто так, от нечего делать, они перебирали все свои знакомые пары, стараясь найти, какой из них живет веселее. И тут уж им точно не было равных!

А теперь – все. Конец. У них началась черная полоса: «Знаете о Кэт с Дэном? Похоже, дела у них не очень».

К своему ужасу и стыду, Кэт услышала сдавленный звук собственного рыдания. С заранее подготовленными утешениями Энни подвинула ей коробку бумажных салфеток.

Кэт вытянула сразу несколько штук, а Дэн принялся смущенно покашливать и водить ладонями по своим бедрам.

– Я ездила посмотреть на нее, – сказала Кэт, глядя на них из-за салфеток и громко сморкаясь. – Она объяснила мне, как ехать на Пасифик-хайвей.

– Кто? – спросила Энни.

– Анджела. Та, с которой переспал Дэн.

– Боже мой, – сказала Энни.

– Твою ж мать! – воскликнул Дэн.

От кого: Максин

Кому: Лин, Джемме, Катрионе

Тема: Предложения по празднованию Рождества

Девочки! Мне кажется смешным и несправедливым, что я всегда отвечаю за приготовление рождественского ужина. Я это делаю последние тридцать лет и, признаться, порядком устала. В этом году я предлагаю устроить пикник у воды с холодными закусками из морепродуктов. Каждая может что-нибудь приготовить. Что вы об этом думаете?

От кого: Джемма

Кому: Максин

Копии: Кэт, Лин

Тема: Предложения по празднованию Рождества

МАМОЧКА! Последние тридцать лет ты предлагаешь одно и то же на каждое Рождество. Каждый год мы с радостью ПРИНИМАЕМ твое предложение. Каждый год ты НЕ СЛУШАЕШЬ нас и делаешь горячий стол. Какая ты смешная! В этом году выдвигаю встречное предложение. Давайте встретим Рождество у Лин!! Всем известно, что у нее есть прекрасный домик у моря. Там мы сможем вдоволь наплаваться в бассейне и полюбоваться ее стройными ногами, пока она будет носить нам выпивку. Мы будем очень любезны и ужасно вежливы друг с другом. Вот будет здорово! Каждая может что-нибудь привезти или приготовить. Мой вклад – возможный новый друг, Чарли. Он просто восхитителен.

С любовью, Джемма.

От кого: Лин

Кому: Джемме

Копии: Максин, Кэт

Очень смешно, Джем. Но идея хорошая – встретить Рождество у меня. Праздничный обед из морепродуктов. Так будет лучше для Мэдди. Каждая что-нибудь привозит с собой. В это Рождество мы устроим тебе отдых, мама. Подробности позже. Кэт, как тебе идеяка?

От кого: Кэт

Кому: Максин, Джемме, Лин

Тема: Рождество

Мне норм.

От кого: Максин

Кому: Джемме, Лин, Кэт

Если вам всем удобнее встретить Рождество у Лин, тогда я тоже не возражаю. Прошу прощения за прошлое Рождество. Лин, беру на себя индейку и жареную картошку. Иначе жалобам конца не будет. Джемма, у Лин дел по горло! Ей будет не до того, чтобы предлагать тебе напитки. Каждой придется закатать рукава и помогать по хозяйству! Что касается твоего нового друга, Джемма... Не ставь себя в смешное положение.

От кого: Джемма

Кому: Максин

Тема: Рождество

Ты в своем репертуаре, мама.

С любовью, Джемма.

– Отлично выглядишь, – сказал Дэн.

Они сидели на заднем сиденье такси. У Дэна в городе была рождественская вечеринка, и они опаздывали уже на целый час.

– Спасибо. – Кэт разгладила юбку и поправила ногтем помаду.

Опоздали они по ее вине. В последнее время тело стало для нее такой обузой, что она еле перетаскивала его с места на место. Каждое движение требовало невероятных усилий.

Дэн молча сидел на краю кровати, пока она, то и дело отдыхая, застегивала на своей блузке пуговицу за пуговицей, и нетерпеливо стучал ногой по ковру. Он очень любил вечеринки.

Кэт смотрела, как огни города бросают красные и желтые отсветы в мрачные глубины залива. Ей тоже нравились вечеринки. И вообще, декабрь был ее любимым месяцем в году. Ей нравилось, каким оживленным и беззаботным выглядел в это время Сидней. Ей нравилось, что все становилось не таким уж важным, что сроки выполнения работ теряли свою страшную силу. «Ну, теперь разве что после Рождества», – радостно говорили все. Но в этом декабре ничего такого не происходило. В воздухе не было особого декабрьского запаха. С тем же успехом это мог быть март, июль или любой другой месяц.

Машина рванула через две полосы, как только они миновали шлагбаум, и Кэт упала на плечо Дэна. Они натянуто вежливо рассмеялись, как два незнакомца, и Дэн посмотрел на часы:

– Почти успеваем. Если и опоздаем, то совсем немного.

– Отлично.

Они сидели молча, пока машина везла их к району Рокс. Кэт спросила, глядя в окно:

– Кто-нибудь из твоих друзей знает о?..

– Нет. – Он взял ее руку в свою. – Нет, конечно. Никто не знает.

Кэт смотрела на Джордж-стрит. Поток машин то медленно двигался, то снова вставал. Раздавались сердитые гудки. Мужчины и женщины в строгих костюмах вываливались из пабов, и их смеющиеся лица казались напряженными и даже суровыми. Издалека замечая такси, в котором ехали Кэт и Дэн, люди поднимали руку и раздраженно опускали ее, когда видели, что машина занята. В это Рождество Сидней не был веселым и беззаботным; он был просто пьяным и на редкость противным.

– Было бы здорово, если бы ты получил ту работу в Париже, – бросила она.

– Да, было бы здорово, но я ее не получил.

Как только Дэн начинал работать в австралийском филиале какой-нибудь французской компании, они начинали мечтать о том, как бы перебраться в Париж. В прошлое Рождество Дэн даже вошел в список самых вероятных кандидатов на руководящий пост, и мечта подошла так близко, что ее, казалось, можно было потрогать. Они даже записались на курсы французского языка для начинающих в местном отделении Центра технического и дополнительного образования. Во Франции они будут самими собой, только лучше. Они станут одеваться по-французски, заниматься сексом по-французски, но при всем том сохраняют основополагающее превосходство, так свойственное австралийцам. Они станут разговорчивее, стильнее, а много лет спустя будут вспоминать: «Да-да, мы оба бегло говорим по-французски! Мы, знаете ли, целый год прожили в Париже».

Но Дэна не взяли, и несколько недель они приходили в себя от горького разочарования. И теперь они, как в ловушке, оказались в той же самой, давно опротивевшей сиднейской жизни. Единственным новшеством была девушка с блестящими черными волосами и свежей молодой кожей.

Кэт отвернулась от окна, посмотрела на Дэна и спросила:

– Ты хоть поцеловал ее на прощание?

– Хватит, Кэт, перестань...

– Это потому, что ты вызвал такси, да? И что ты делал, пока его ждал? Она лежала в постели или встала и вы ждали вместе?

– Не понимаю, почему ты все время талдычишь об этом. – Он смотрел на нее так, будто совсем не знал и даже не испытывал особой приязни. – С тобой становится чертовски скучно, Кэт.

– Что?!

Ярость моментально вывела ее из долгой апатии и ударила в голову, точно текила.

– Ушам не верю!

Она, словно со стороны, увидела, как ее кулак врезается в его челюсть.

Кэт наклонилась вперед, так что натянулся ремень, и похлопала таксиста по плечу.

– Вы можете поверить, что он это сказал?

– Извините, я не слышал, – ответил таксист и вежливо покачал головой.

– Бог мой, Кэт... – Дэн вжался в самый угол такси, будто хотел исчезнуть.

– Мы женаты четыре года, – принялась она объяснять таксисту, с каждым словом заводясь все больше и больше. – Все у нас хорошо, мы даже пытаемся завести ребенка. И представляете, что он делает? Занимается сексом со случайной женщиной, которую подцепил в баре! Вечером, за спагетти, он мне об этом рассказывает. Ну ладно... Хорошо... Я пытаюсь как-то с этим справиться. Ему жаль, что так вышло. Очень, мать его, жаль! Но знаете, что он мне сейчас сказал?

Такси остановилось на светофоре. Уличные фонари осветили лицо водителя, когда он отвернулся от руля и пристально посмотрел на Кэт. У него была черная борода, и он широко улыбался, сияя белыми зубами.

– Нет, не знаю, – ответил он. – Вы мне скажите.

Дэн тихо застонал.

– Он сказал, что со мной чертовски скучно, потому что я все время талдычу об этом!

– Ага, понятно. – Таксист посмотрел на Дэна, потом перевел взгляд на Кэт. – Вам, должно быть, очень больно.

– Да! – благодарно отозвалась Кэт.

– На светофор посмотри, приятель, – сказал Дэн.

Водитель оглянулся и прибавил скорости.

– Если бы моя жена мне изменила, я бы ее убил, – воодушевленно проговорил он.

– Правда? – спросила Кэт.

– Своими бы руками задушил!

– Понятно...

– Но с мужчинами – другое дело, – продолжил он. – Биология у нас не такая.

– Хватит! – Кэт вцепилась в ручку двери. – Остановите машину. Меня тошнит от вас обоих!

– Что, простите?

– Остановитесь! – завопила она, открыла дверь и увидела, как под машиной бежит земля.

Дэн перегнулся через нее, очень больно вцепившись в ее предплечье, а водителю командовал:

– Съезжайте на обочину!

Тот послушно вывернул руль и нажал на тормоза; вслед послышались разъяренные гудки.

– Больно!

Дэн ослабил хватку и сказал:

– Делай что хочешь. Я сдаюсь.

Кэт выбралась из машины. Дэн сидел и смотрел прямо перед собой, сложив руки, а водитель осторожно наблюдал за ним в зеркало заднего вида. Она тихо закрыла за собой дверь.

И тут же подумала, не сходит ли она с ума.

Ей казалось, что решение зависит только от нее. Всего один шагок через невидимую черту – и все, она на стороне ненормальных. Она могла бы лечь на землю в самом центре Сиднея и начать визжать и лягаться, мотая головой из стороны в сторону, как Мэдди, когда капризничает. В конце концов кто-нибудь вызовет «скорую», в нее воткнут иглу, и она погрузится в тяжелый сон без сновидений.

Такси тронулось с обочины так неторопливо и важно, что Кэт сразу поняла, как по-детски она повела себя.

Точно так же она когда-то дралась с сестрами. Волна ненависти должна была потащить ее за собой, поднять высоко-высоко и держать там, пока она не выкинет какой-нибудь фортель. Только после этого волна выплюнет ее, оставив маленькой и глупой.

В голове зазвучал строгий голос Максина: «Если не научишься сдерживать свой нрав, Катриона, то дорого заплатишь за это! Ты заплатишь! Не я!»

Без сомнения, Дэн и таксист сейчас пересмеиваются и дружно качают головой над тем, какими неадекватными становятся женщины перед менструациями. Дэн будет извиняться за то, что ее нет на вечере, напьется и даже не вспомнит о ней, пока не начнет неуверенно ковыряться ключом в замке.

Или – вполне может быть – он найдет еще какую-нибудь женщину, с которой можно переспать. Что ж, его можно понять: жена не только не понимает его, но и с ней скучно, невыносимо скучно.

Из бара прямо к ее ногам тек оживленный поток хмельного рождественского шума.

– Паспорт есть, дорогуша? – спросил вышибала, который, казалось, еле держал на весу свой мощный торс и вот-вот мог свалиться, не выдержав веса своих мускулов.

– Мне так же нужен паспорт, как тебе – стероиды, – ответила она и гордо прошествовала в бар.

Мужчины... Да зачем они вообще нужны?

Умело работая локтями, она протиснулась к стойке и спросила бутылку шампанского.

– Сколько бокалов? – переспросила девушка.

Под взглядом ее круглых невинных глаз Кэт почувствовала себя общипанной старой вороной.

– Один, – бросила она. – Только один бокал.

Зажав под мышкой ведерко для льда и бутылку, она выбралась из бара на улицу. Вышибала даже не попытался ее остановить. Он был занят – проверял паспорта у хихикающих гостей лет тридцати с лишним.

Она пошла по Джордж-стрит в сторону набережной.

– С Рождеством! – Пьяные офисные труженики в дурацких бело-красных колпаках затанцевали вокруг нее.

Она шла дальше.

Почему все вокруг так по-идиотски счастливы?

Она миновала Оперу и дошла до самого Ботанического сада. Задрвав повыше дизайнерскую юбку, за которую было заплачено двести долларов, она села на землю, скрестив ноги и опершись спиной о дерево. Наполняя бокал, она залила шампанским всю руку и юбку. «Ну, с Рождеством!»

По воде скользили расцвеченные огнями лодки, из которых доносились музыка, пение и крики слишком бурно веселившихся людей.

Если она сейчас выпьет всю эту бутылку, завтра у нее будет раскалываться голова и ей придется нелегко на консультации, которая намечена на утро. Хотя разговор с Энни вряд ли чем-то поможет. Завтра каждый будет рассказывать о своем детстве. На дом – при этих словах пухлые пальчики Энни нарисовали в воздухе большие кавычки – им было задано вспомнить, как их родители разрешали конфликты. «Мы рассмотрим модели, принятые в ваших семьях!» – с энтузиазмом воскликнула психолог.

Кэт очень хотелось рассказать знаменитую историю об одном вечере в семействе Кеттл, который случился в 1976 году. В скучно-счастливом детстве Дэна, скорее всего, не было ничего похожего. Она легко выиграет конкурс на самое психологически тяжелое детство.

Кэт, Джемма и Лин были одеты в одинаковые куртки с капюшонами и коричневые вельветовые штанишки. Вся улица пришла к ним во двор на вечер крекеров. Гремел фейерверк, и в его розоватом свете все лица казались какими-то таинственными. Дети жгли бенгальские огни, сыпавшие холодные серебристо-белые искры. Отец, лихо зажав сигарету в углу рта, без устали смешил всех мужчин, хохотавших громко, от души. Мать, в коротком зеленом платье с золотыми пуговицами, разносила тарелки с закуской – чернослив, обернутый беконом и заколотый зубочисткой. Тогда у нее еще были длинные волосы, золотисто-каштановый поток которых останавливался ровной прямой линией ниже попы.

И вот настало время для настоящего фейерверка. Сжимая в руке бутылку с пивом, отец театрально вышел на середину двора, поддернул брюки, опустился на корточки и проделал какие-то хитрые манипуляции с зажигалкой.

– Сейчас как жажнет! – обратился он к дочерям.

Через несколько секунд грохнуло, и воздух окрасился разноцветными взрывами.

– О-о-о! – вопили все с каждым новым взрывом. – А-а-а!

Казалось, будто их отец сам создавал фейерверки. Это было чудесно. Кэт точно знала, что лучше вечера в ее жизни еще не было. Поэтому не было ничего необычного в том, что мама постаралась его испортить, и ей это прекрасно удалось.

– Пусть теперь кто-нибудь другой попробует, Фрэнк, – повторяла она, и Кэт еле выносила ее твердый, властный голос, который становился все жестче и жестче.

Может, мать просто ревновала отца к тому, что он веселит всех, находится в центре внимания, а она мечется между гостями, разливая им чай.

– Да быстрее же, быстрее, Фрэнк!

Он, широко улыбаясь, стоял в самом центре двора, выставив подбородок, и нарочито медленно тянул свое пиво: «Расслабься, Макс, дорогая...»

Тут-то все и случилось.

Отец зажег римскую свечу, все еще стоя на коленях и беспечно склоняясь над ней.

– Фрэнк! – предупреждая, крикнула мать, и Джемма уловила страх в ее голосе.

– Быстрее, папочка! – крикнула она, а Лин с Кэт переглянулись, будто говоря друг другу: «Какой она еще ребенок!»

Фрэнк выпрямился, сделал шаг назад, и римская свеча взорвалась. Бутылка с пивом упала на землю, потому что он вытянул руки вперед, как бы заслоняясь ими от фейерверка.

Кэт, Джемма и Лин видели, как безымянный палец вместе с кольцом оторвался у него от руки и, крутясь в воздухе, улетел куда-то, освещаемый яркими зелеными и багровыми всполохами.

Он грузно и смешно, как клоун, осел на землю, сжимая руку. В воздухе странно пахло чем-то сладким – это поджарилась рука отца.

– Какой же ты дурак! – решительно загремела мать и широкими шагами пошла к нему; высокие каблуки тонули в зеленой траве газона. – Девочки, немедленно домой! – скомандовала она, и они послушно поплелись в гостиную, включили телевизор и уселись смотреть его вместе с бабушкой и дедушкой.

Сэмми Баркер отправился искать палец отца – он закатился под розовый куст прямо под окном родительской спальни.

Кэт так и не смогла простить свою мать. Именно она, Кэт, должна была найти палец своего отца, а вовсе не этот курносый Сэмми.

Всего через несколько месяцев после вечеринки отец собрал вещи и перебрался на квартиру, которую снял в городе. Его палец спасти не удалось. Он хранил его в банке с формальдегидом. Для особо почетных гостей банка с большими церемониями извлекалась из шкафчика в ванной.

Это точно должно было удовлетворить Энни. И как это было символично, как утешало! Ведь оторвался именно безымянный палец, тот, на котором было обручальное кольцо! Символ их беспокойного, взрывного брака.

Конечно, и у Дэна это была одна из любимых семейных историй. «Ужас!» – сказал он, когда услышал ее в первый раз. На обедах с гостями он пересказывал ее так, будто видел все собственными глазами.

Если бы только Дэн ребенком жил с ними по соседству, Сэмми Баркер ни за что не нашел бы тогда папин палец.

Кэт за горлышко вынула бутылку из ведерка со льдом и налила себе еще. Усаживаясь поудобнее, она громко икнула.

Может, ей простить его? Может, она уже его простила?..

Разве сама она не фантазировала о Шоне – университетском друге Дэна? Каждый раз, когда они ходили куда-нибудь вместе с Шоном и совершенно неподходящей ему женой, Кэт чувствовала, как у нее после третьего стакана вина розовеют щеки, а перед глазами встают самые бесстыдные картинки.

А все из-за алкоголя. «Алкоголь – это ужасно. Ужасно!» – подумала она, вытянула перед собой руку с бутылкой и осуждающе взглянула на нее.

Может быть, ей нужно сделать свой выбор и перестать сердиться, как советуют наставники Лин по самопомощи?

От этой мысли ей стало удивительно легко и приятно. Так бывает, когда выздоравливаешь от простуды и вдруг понимаешь, что твое тело снова нормально функционирует.

Запищал мобильный телефон. Сообщение от Дэна:

Ты где? На вечеринку не пошел. Жду дома. Прости. Прости. Прости. Целую.

Кэт медленно поднялась на ноги, одернула юбку и, оставив на земле ведро и пустую бутылку, пошла к парому.

– А вот и мы! – воскликнула Энни.

На ней была блузка в сине-белую полоску и красный шарфик, небрежно обмотанный вокруг шеи. Глаза смотрели ясно и простодушно. Кэт и Дэн, наоборот, видели ее как будто сквозь туман. Они не спали всю ночь, пили и плакали.

– Итак, вы одна из тройняшек, Кэт!

– Да, – вяло произнесла Кэт, не в силах тягаться с ее энтузиазмом.

– Большинство тройняшек необычно тесно связаны друг с другом. Это правда? – спросила Энни.

Ой-ой-ой... Энни, похоже, основательно проштудировала свои учебники, готовясь к сегодняшней встрече.

– Сегодня я хотела бы поговорить о том, какие у Дэна отношения с вашими сестрами!

– А задание на дом? – спросила Кэт.

Энни смутилась. Она, скорее всего, совсем забыла о нем.

– Ах да... Да, конечно, но давайте начнем все-таки с этого. По-моему, это важный вопрос. Дэн...

Дэн ответил с улыбкой:

– У нас с ними хорошие отношения. Всегда были хорошие отношения.

Энни кивнула, поощряя его к дальнейшему рассказу.

– Вообще-то, – продолжил Дэн, – я даже встречался с одной из них до того, как мы познакомились с Кэт.

Кэт как будто дали под дых невидимым кулаком.

– О чем это ты? – спросила она.

Дэн посмотрел на нее:

– Но ты ведь в курсе!

– Нет, не в курсе.

– Да в курсе же! – нервно бросил он.

– С которой? – Сердце в груди Кэт стучало, как молот. Наверное, с Джеммой. Дэн умоляюще посмотрел на нее. Энни сияла от гордости за такое свое профессиональное достижение. – С которой? – настойчиво повторила Кэт.

– С Лин, – ответил он. – Я встречался с Лин.

Глава 5

– Но она точно об этом знала!

– Я ей не говорила.

– А почему?

– Все очень сложно. – Лин намазала маслом тост с изюмом и положила его Майклу на тарелку. – Знаешь, она ведь ничего не ест.

– Разве?

Майкл бросил взгляд на Мэдди. Она сидела рядом с ним на своем высоком стульчике. Девочка игриво посмотрела на отца, как будто и не подозревала, что у нее с мордашки капает яблочный соус, а потом взяла и шлепнула обеими ручонками по липкой жиже.

– Еще! – потребовала она, нагнулась вперед и широко распахнула рот.

Майкл высоко поднял ложку, зажужжал, подражая вертолету, описал круг над головой дочки и поднес ложку к ее рту. В самый последний момент Мэдди захлопнула рот и весело затрясла головой, пока Майкл пытался просунуть ложку между ее сомкнутыми губами.

От отца Мэдди унаследовала волнистые черные волосы и ямочки на щеках, но вот чувство юмора у нее было точно как у семейства Кеттл.

– Она ни ложки не съела, – сказала Лин.

– Съест, если проголодается. – Майкл положил ложку и взял кружку с кофе. – Кара делала точно так же. Но при этом никогда не оставалась голодной.

В глубине души Лин подозревала, что Мэдди гораздо умнее, чем была Кара в ее возрасте. «Да обыкновенная девочка», – говорила она мамам на совместных прогулках, но сама этому не верила. Ей было жалко этих мам – превосходство Мэдди бросалось в глаза так, что было даже неудобно.

– Мэдди прекрасно умеет обходиться без еды, когда голодна. Ей кажется, что это забавно.

– Все вы, матери, одинаковые! – произнес Майкл. – Джорджина прямо до белого каления доходила с Карой. В этом желании видеть, как жует твой ребенок, есть что-то ненормальное.

Лин сильно сжала переносицу указательным и большим пальцем. Ей ни в коем случае не хотелось быть в той же категории, что и Джорджина.

Майкл указал на нее своим тостом и заговорил с набитым ртом:

– Когда твои сестры сердятся, они тоже зажимают нос. Я в пятницу вечером заметил – Кэт так делает. Даже посмеялся про себя.

Лин отпустила нос.

– Неужели? – Она встала и больно ткнула его в плечо. – Давай-ка поменяемся местами. Хочу удовлетворить свое странное желание не видеть, как голодает мой ребенок.

Майкл обнял ее одной рукой и притянул к себе на колени. Лин взяла ложку, банку детского питания и наклонилась к дочери.

– Хочешь позавтракать? – спросила она.

Только Мэдди открыла рот, чтобы сказать «нет», как Лин впихнула в него ложку с едой. Мэдди проглотила, облизала губы, открыла было рот, чтобы громко возмутиться таким вероломством, как Лин положила в него следующую ложку.

– У твоей мамы просто невероятные рефлексy, – с восторгом произнес Майкл, но Мэдди это нисколько не впечатляло.

– Куда лучше, чем у Джорджины, могу поспорить, – сказала Лин, промокая слюнявчиком сумрачную физиономию Мэдди.

– Гораздо лучше, – заверил Майкл и легко качнул ее на коленях вверх-вниз. – Во всех отношениях.

– Что лучше, чем у Джорджины, во всех отношениях? – В столовой появилась Кара, таща за собой стул, противно скрипевший по доскам пола, и уселась прямо перед ними. Взяв в руки коробку с хлопьями, она с отвращением уставилась на нее.

– Кара! – вскрикнула Мэдди и шлепнула ладошками, обдав родителей яблочным соусом.

– Лин, наверное, – протянула Кара. – Твоя любимая Лин гораздо лучше мамы, так ведь?

Майкл кашлянул, пробормотав: «Доброе утро, дорогая!» – а Лин за это время ловко соскочила с его коленей.

– Я сделала омлет, – обратилась она к Каре. – Хочешь?

Кара издала неприличный звук, как будто рыгнула.

– Пожалуйста, Кара, не делай так, – попросил Майкл.

– Так – это как? Меня от омлета тошнит. И что теперь?

– Ты это нарочно, Кара. Это невежливо.

Лин спокойно заметила:

– А вчера омлет тебе понравился.

Кара не обратила на нее никакого внимания, устремив злобный взгляд на отца.

– Ну да, а сравнивать Лин с моей мамой у меня на глазах – это вежливо? Ты как думаешь, мне это нравится?

– Но я вовсе не сравнивал Лин с мамой. Я просто дурачился.

– Ага, как же! Я не умственно отсталая.

– Нет-нет, дорогая, что ты! Ты очень, очень умная. Кстати, я все глаза проглядел, пока присматривал для тебя хороший ноутбук...

– Теперь меня тошнит от тебя! Не могу больше!

Кара швырнула коробку с хлопьями так, что они разлетелись во все стороны, и пулей вылетела из кухни.

Майкл, как будто сдаваясь, поднял вверх обе руки, и озадаченно посмотрел на Лин.

– «Глаза проглядел», – пояснила она. – Не нужно было говорить, что ты все глаза проглядел.

– М-да... – протянул Майкл, медленно покачивая головой. – Что ты об этом думаешь, Мэдди?

Мэдди мрачно посмотрела на него.

– М-дя... – сердито протянула она и медленно покачала головой. – М-дя...

СДЕЛАТЬ:

РАБОТА:

Подписать повышения на Новый год

Список дежурств на Рождество

Бонусы

Перезвонить М.

Счета!!!

СЕМЬЯ:

Записать М. на плавание

Купить подарки: мама, К., К.

Меню к Рождеству

Встреча К. с д-ром Льюисом

Поговорить с К. о Д.

ДРУЗЬЯ:

Позвонить Ивонне – поздравить с днем рождения

Написать письмо Сьюзан

ПРОЧЕЕ:

Запрос в газовую компанию – почему такой большой счет?

– Кэт, это я. Пожалуйста, не бросай...

В трубке послышались короткие гудки.

«Ну вот, опять», – подумала Лин, кладя трубку. Каждый раз, когда Кэт отказывалась говорить, она чувствовала себя так, будто получила затрещину. Это было так по-детски! Так неконструктивно, в конце концов!

Она поставила звездочку рядом с «Поговорить с К. о Д.».

Вот и хорошо... Теперь можно заняться и другими делами. Она посмотрела на список, вздохнула, перевела взгляд на часы и вспомнила, что еще не допила кофе. Он пока не остыл. Она даже не могла притвориться, что ей хочется еще.

«Возьми себя в руки», – сказала она себе. Тянуть вот так, как сейчас, было не в ее характере. Вспомни третью привычку: «Первое – в первую очередь».

Когда Лин заканчивала университет, она пережила почти религиозный опыт: к ней в руки попала книга под названием «Семь привычек эффективных людей».

Каждая страница ошарашивала новым откровением. «Да, вот оно!» – думала она, отмечая очередной абзац желтым маркером и чувствуя, как ее прямо распирает от головокружительных возможностей. Так радостно было открывать, что она может не пасть жертвой несчастливых генов семейства Кеттл или своего сверхдраматичного детства. Она узнала, что, в отличие от животных, человек может выбирать, как ему ответить на стимул. Для того чтобы изменить программу, нужно было всего-навсего сдвинуть парадигму. Ей необязательно было быть девочкой Кеттл! Можно было быть той, кем хочется!

Сестры, понятное дело, отказались обращаться в новую веру. «Чушь, – фыркнула Кэт. – Терпеть не могу такие книжки. Не могу понять, как ты на нее запала». «Скучища, – отозвалась Джемма. – Я прочитала о первой же привычке и чуть не заснула».

Итак, Лин стала высокоэффективным человеком сама по себе – и у нее получалось. Получалось, как по волшебству.

– Везет же тебе! – говорили про ее успехи.

На самом деле везло ей не так уж сильно. Она была эффективной. Последние двенадцать лет каждый ее день начинался с чашки крепкого кофе и заново составленного списка дел. Для этого она завела специальную записную книжку в твердой обложке. На первой странице помещалось «Заявление об основных принципах личной миссии» и основные долго-, средне- и краткосрочные задачи в главных областях ее жизни: работа, семья, друзья.

Она любила свою записную книжку. Зачеркивая очередную выполненную задачу – сделано, сделано, сделано! – она испытывала чувство глубокого удовлетворения.

Но совсем недавно она начала ощущать легкие уколы паники, как только приступала к новому списку. Она ловила себя на непродуктивных мыслях вроде: а что, если физически невозможно все это сделать? Иногда ей казалось, что все люди в ее жизни, точно стервятники, только и делали, что отрывали от нее куски мяса и требовали еще, еще, еще!

Вот совсем недавно позвонила университетская подруга и стала жаловаться, что Лин совсем пропала, а Лин хотелось крикнуть в ответ: «Некогда мне. Не понимаешь, что ли: некогда-да!» Но вместо этого она составила подробную таблицу своих друзей, распределив их по важности (близкий друг, просто друг, знакомый), с колонками «обед», «ужин», «кофе», звонки и письма «просто узнать, как ты».

Если бы только сестры узнали о ее «Таблице управления друзьями», они бы ее не пощадили.

Она смотрела из окна своего кабинета на бирюзовую гладь воды и думала, какой ее увидела журналистка из того издания. Когда она вошла в элегантный кабинет Лин с видом

на залив, от зависти у нее сами собой поджались губы. В определенной степени Лин понимала ее чувства. У нее было все: обожающий муж, великолепный ребенок, головокружительная карьера – и она, черт побери, заслужила все это! Она вкалывала всю жизнь и хорошо разбиралась в своем деле – короче говоря, была эффективной!

Но бывали дни, как тогда, когда Джемма позвонила ей прямо из ванной, и Лин начала задумываться: а что было бы, будь она менее эффективной? Что было бы, если бы у нее на уме было бы только одно: когда и как прыгнуть в постель к очередному кавалеру? А бывало, как сегодня, что голову будто стискивали мощными тисками. «Поговорить с К. о Д.». О боже!

Никакой сдвиг парадигмы не помог бы справиться с огромной дозой католической вины.

Когда Лин исполнился двадцать один год, кто-то включил в ее жизни третью скорость, да так и забыл выключить. По крайней мере, так она чувствовала. Когда ей говорили: «Подумайте только, как быстро пролетел год! Вот и снова Рождество», она соглашалась даже чересчур горячо: «Да-да! Удивительно быстро, самой не верится!»

Бывало, она делала что-то совсем обычное: например, сидела за столом, передавала Каре перец, и вдруг ни с того ни с сего ее охватывало странное, непонятное чувство дезориентации. Она смотрела на Майкла и думала: «Да ведь мы поженились несколько месяцев назад!» Она смотрела на Мэдди и думала: «Ты же всего несколько дней назад была крошкой!» Как будто ее, словно пешку, переставляли с одного этапа жизни на другой.

Она точно помнила момент переключения. Это был день, когда ей позвонили. Позвонили с новостями о Джемме.

– Плохая новость, – начала Кэт, ее голос эхом отдавался в трубке, и Лин переспросила: «Что?» – хотя слышала ее прекрасно; ей просто хотелось поставить Кэт на место, даже слегка задеть ее – она не верила, что новость и правда плохая.

– Плохая новость! – выпалила Кэт. – Что-то действительно очень и очень ужасное!

Лин успела десять месяцев проработать в одной лондонской гостинице и до зубовного скрежета возненавидеть свою работу. Она вознаградила себя двумя месяцами беззаботного путешествия по Европе, а потом должна была вернуться домой, как раз на свадьбу Джеммы.

В Барселоне она познакомилась с молодым американцем, обладателем неотразимой улыбки. Они вместе сели на поезд в Коста-Браву и остановились в маленьком городке под названием Льянса. Каждый день тянулся долго, как целая жизнь. Балкон выходил прямо на сияющее море и подернутые дымкой холмы, увенчанные белоснежными зданиями. Они с американцем – его звали Джой – еще не спали вместе, но от этого события их отделяло не больше двух кувшинов сангрии. Когда они гуляли по залитым солнцем мощеным улицам, он, бывало, крепко обнимал ее, прижимал к стене, и они целовались, пока у обоих не захватывало дух. Лин чувствовала себя Одри Хепберн. Это было романтично до смешного.

– Что случилось? – спокойно спросила Лин.

Она рассматривала свои запачканные песком ноги на белых плитках пола гостиничного номера и любовалась загаром и розовыми ногтями. Скорее всего, что-то не так с платьями подружек невесты. Джемма, наверное, хотела, чтобы они походили на пирожные со взбитыми сливками или, скорее, оделись как-нибудь необычно, как средневековые ведьмы или «дети цветов» – хиппи.

– Маркус погиб.

Лин увидела, как от удивления у нее приподнялись пальцы ног.

– Как это? – еле произнесла она.

– Так это. Его сбила машина на Милитари-роуд. Даже до больницы не успели довезти. Он умер в «скорой». Джемма была с ним.

На Лин как будто налетел ураган. Она схватилась за телефонный шнур.

– Все нормально. Она в порядке. Ну, то есть, конечно, она совсем не в порядке, у нее ведь погиб жених. Но сама она не пострадала.

Лин выдохнула:

– Вот это да... Поверить не могу.

– Она сказала, чтобы ты не возвращалась домой. Говорит, чтобы ты не портила себе отдых.

– Глупости какие, – отрезала Лин. – Я вылетаю сегодня же.

Голос Кэт еле заметно дрогнул, когда она ответила:

– Я так и сказала, что ты, скорее всего, тут же примчишься.

Джой вошел в номер как раз тогда, когда она звонила в авиакомпанию, и, весь мокрый, уселся рядом с ней прямо на пол – он только что вернулся из бассейна. Он взял ее за лодыжку и спросил:

– Что случилось?

– Я еду домой.

Он сидел рядом, трогал ее, но уже был прошлым, воспоминанием. Его мокрые волосы и загорелое лицо казались чем-то пустяковым, несущественным.

Вот тогда и включилась та самая третья передача.

Поездом она добралась до Барселоны, успела там на самолет в Хитроу, где любезный служащий «Кантаса» оформил ее в бизнес-класс, пощелкав по клавиатуре. Посадочный талон он вручил ей с блаженной улыбкой, как будто это был пропуск в новую жизнь.

Ей досталось место у окна, а по соседству разместился мужчина в черных джинсах и майке. Пока они приводили спинки своих кресел в вертикальное положение, готовясь к взлету, он успел спросить, не из Сиднея ли она.

– Из Сиднея, – сердито бросила она, не удостоив его даже взглядом. Ей было не до него. Неужели он не понимает? Ей было совсем не до него.

– А-а-а... – печально протянул он, как будто обидевшись.

– Извините. Я еду на похороны. Это, знаете ли, не способствует...

– Да-да, – ответил он. – Простите. Ужасно, конечно.

Он был худ, долговяз, с целой копной черных волос и серьезными глазами под круглыми, как у Джона Леннона, очками.

Все решил его голос. Если бы он у него был простой, ничем не примечательный, они, возможно, так и промолчали бы весь полет. Но голос у него был особый. Когда сестры услышали его, то просто ахнули. Не то чтобы они сошли от него с ума – нет, просто поняли, что в нем услышала Лин.

Джемма сказала: «У механика, который обслуживал мою машину, голос был как раз такой, о котором ты говоришь. Я дала ему твой номер. Механику. Девушка у него есть, но он взял, просто на всякий случай, – вдруг у них ничего не выйдет. Сказал, всегда хорошо иметь запасной вариант».

В первый раз Лин обратила внимание на голос в восьмом классе, на уроке географии. Бородатый и пузатый мистер Гордон с затаенной сладостью рассказывал о реках и горных хребтах Америки. Голос звучал совершенно по-мужски, но несколько мягче, нежнее, чем у среднестатистического представителя мужского пола. Слушая его, она чувствовала себя в безопасности.

– Жениха моей сестры сбила машина, – пояснила она. – Через полтора месяца у них была бы свадьба. Они как раз хотели разослать приглашения.

Он сочувственно поцокал языком и повторил:

– Ужасно.

Лин выросла в семье, где не умели слушать. Если ты намеревался что-то сказать, надо было подготовиться, что тебя будут перебивать, тебе будут возражать, скучать, нисколько не скрывая этого, говорить: «Да хватит тебе!» – и злорадно восклицать: «Ха! Ты только что говорила обратное!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.